

МУДРОСТЬ ВОСТОКА

— ПРИТЧИ —

ОБ ИСТИНЕ, ДОБРЕ, СЧАСТЬЕ
И ПОЛЬЗЕ НАУК

Евгений Таран
Мудрость Востока.
Притчи о любви, добре,
счастье и пользе наук
Серия «Великие притчи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25013838

Мудрость Востока. Притчи о любви, добре, счастье и пользе наук:

АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102354-6

Аннотация

Жанр притч имеет почтенный возраст. В назидательных историях издавна сохранялась мудрость поколений, заселявших Землю. Восточные притчи отмечены своим неповторимым колоритом. Их герои – боги, правители, странствующие монахи, словом, носители истины о мире.

На страницах этой книги они обращаются к читателям со словом о любви, добре, счастье и пользе наук. Предупреждают против погружения в пучину пороков, таких как клевета, алчность, человеческая глупость. Вошедшие в книгу притчи и легенды, бытовавшие в арабском, китайском и индийском мире,

даны в изложении блистательного русского фельетониста Власа Дорошевича.

Содержание

Арабские притчи и легенды	6
$2 \times 2 = 4\frac{1}{2}$	6
Сказка о сказке	16
Истина	25
Правда и ложь	38
Не те пятки	50
Зеленая птица	64
Без Аллаха	76
Судья на небе	81
Халиф и грешница	85
Суд	98
Человек	103
Мустафа и его ближние	108
Муж и жена	114
Человек правды	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Мудрость Востока
Притчи о любви, добре,
счастье и пользе наук

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Арабские притчи и легенды

$$2 \times 2 = 4\frac{1}{2}$$

У арабов, как ты знаешь, мой друг, и все бывает арабское. В арабской Государственной Думе, – она зовется у них Дум-Дум, – решили начать, наконец, издавать законы.

Вернувшись с мест, из своих становищ, избранные арабы поделились впечатлениями. Один араб сказал:

– Кажется, население нами не особенно довольно. Мне один на это намекнул. Назвал нас лодырями.

Другие согласились.

– И мне приходилось слышать намеки. Нас зовут дармо-едами.

– Меня назвали бездельником.

– А в меня запалили камнем.

И решили приняться за законы.

– Надо издать сразу такой закон, чтоб истина его броса-лась всем в глаза.

– И чтоб он не возбуждал никаких споров.

– Чтоб все были с ним согласны.

– И чтоб никому он не приносил убытка.

– Он будет мудр и всем мил!

Избранные арабы подумали и придумали:

– Издадим закон, что дважды два четыре.

– Истина!

– И никому необидно.

Кто-то возразил:

– Но это и без того все знают.

Ему резонно ответили:

– Все знают, что красть нельзя. Однако в законе об этом говорится.

И арабские избранники, собравшись в торжественное собрание, постановили:

– Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре.

Узнав об этом, визири, – так, мой друг, называют арабских министров, – очень обеспокоились. И пошли к великому визирю, который был так же мудр, как сед.

Поклонились и сказали:

– Слышал ли ты, что дети несчастья, избранные арабы, начали издавать законы?

Великий визирь погладил седенькую бородку и сказал:

– Я остаюсь.

– Что они издали уже закон: дважды два четыре?

Великий визирь ответил:

– Я остаюсь.

– Да, но они дойдут Аллах знает до чего. Издадут закон, чтоб днем было светло, а ночью темно. Чтоб вода была мок-

рая, а песок сухой. И жители будут уверены, что днем светло не потому, что светит солнце, а потому, что так постановили дети несчастья, избранные арабы. И что вода мокрая, а песок сухой не потому, что так создал Аллах, а потому, что так постановили они. Люди уверуют в мудрость и всемогущество избранных арабов. А они подумают о себе Аллах знает что!

Великий визирь спокойно сказал:

– Я слышу все это и остаюсь.

И добавил:

– Будет ли Дум-Дум издавать законы или не будет, – я остаюсь. Будет она существовать, – я остаюсь, и не будет, – я тоже остаюсь. Будет дважды два четыре, или один, или сто, – я, все равно и что бы ни случилось, остаюсь, остаюсь и остаюсь, пока Аллаху угодно, чтоб я оставался.

Так говорила его мудрость.

Мудрость одета в спокойствие, как мулла – в белую чалму. А взволнованные визири отправились в собрание шейхов... Это нечто вроде их Государственного Совета, мой друг. Отправились в собрание шейхов и сказали:

– Этого так оставить нельзя. Нельзя, чтоб избранные арабы забирали такую силу в стране. И вы должны принять меры.

И собралось великое совещание шейхов, с участием визирей.

Первый среди шейхов, их председатель, встал, от важности никому не поклонился и сказал:

– Славные и мудрые шейхи. Дети несчастья, избранные арабы, поступили так, как самые искусные заговорщики, самые злостные возмутители, величайшие разбойники и гнуснейшие мошенники: объявили, что дважды два четыре. Так самое истину они заставили служить их гнусным целям. Их расчет понятен нашей мудрости. Они хотят приучить глупое население к мысли, что их устами говорит сама истина. И потом, какой бы закон они ни издали, глупое население будет все считать за истину: «ведь, это постановили избранные арабы, которые сказали, что дважды два четыре». Чтоб сокрушить этот злодейский замысел и отбить у них охоту законодательствовать, мы должны отменить их закон. Но как это сделать, когда дважды два, действительно, четыре?!

Шейхи молчали, уставив свои бороды, и, наконец, обратились к старому шейху, бывшему великому визирю, мудрецу, – и сказали:

– Ты – отец несчастья.

Так, мой друг, у арабов называется конституция.

– Врач, который сделал разрез, должен уметь его и излечить. Пусть же твоя мудрость разверзнет свои уста. Ты ведал казною, составлял росписи доходов и расходов, всю жизнь прожил среди цифр. Скажи нам, – нет ли какого-нибудь выхода из безвыходного положения. Действительно ли дважды два всегда бывает четыре?

Мудрец, бывший великий визирь, отец несчастья, встал, поклонился и сказал:

– Я знал, что вы меня спросите. Потому что, хотя и зовут меня отцом несчастья, при всей нелюбви ко мне, меня в трудные минуты всегда спрашивают. Так человек, который рвет зубы, никому не доставляет удовольствия. Но когда от зубной боли ничто не помогает, за ним посылают. По дороге с теплого берега, где я жил, созерцая, как солнце пурпурное погружается в море лазурное, полосами его золотя, я вспоминал все отчеты и росписи, которые я составлял, и нашел, что дважды два может быть все, что угодно. Глядя по надобности. И четыре, и больше, и меньше. Были отчеты и росписи, где дважды два бывало пятнадцать, но были, где дважды два было три. Глядя по тому, что нужно было доказать. Реже всего дважды два было четыре. Я, по крайней мере, такого случая у себя не припомню. Так говорит опыт жизни, отец мудрости.

Слушая его, визири пришли в восхищение, а шейхи в отчаяние и спросили:

– Да что же такое, наконец, арифметика? Наука или искусство?

Старый шейх, бывший великий визирь, отец несчастья, подумал, сконфузился и сказал:

– Искусство!

Тогда шейхи в отчаянии обратились к визирю, ведавшему ученостью в стране, и спросили:

– По своей должности ты непрерывно имеешь дело с учеными. Скажи нам, визирь, что говорят они?

Визирь встал, поклонился, улыбнулся и сказал:

– Они говорят: «Чего изволите». Зная, что меня не минует ваш вопрос, я обратился к тем ученым, которые у меня остались, и спросил их: «Сколько будет дважды два?» Они поклонились и ответили: «Сколько прикажете». Так, сколько я их ни спрашивал, я не мог добиться другого ответа, кроме: «как изволите» и «как прикажете». Арифметика в моих школах заменена послушанием, так же как и другие предметы.

Шейхи впали в глубокое горе. И воскликнули:

– Это делает честь, о визирь, заведующий ученостью, и тем ученым, которые у тебя остались, и твоему уменью выбирать. Быть может, такие ученые и выведут юношество на должную дорогу, – но нас они не выводят из затруднения.

И шейхи обратились к шейх-уль-исламу.

– По обязанностям своим ты все время имеешь дело с муллами и близок к божественным истинам. Скажи нам ты истину. Дважды два всегда четыре?

Шейх-уль-ислам встал, поклонился на все стороны и сказал:

– Почтенные, знатнейшие шейхи, у которых мудрость прикрыта сединами, как покойник серебряным покрывом. Век живи – век учись. Жили в городе Багдаде два брата. Люди богобоязненные, но люди. И имели они по наложнице. В один и тот же день братья, во всем поступавшие согласнo друг с другом, взяли себе наложниц, и в тот же день на-

ложницы от них зачали. И когда приблизилось время родов, братья сказали себе: «Хотим мы, чтоб дети наши родились не от наложниц, а от законных наших жен». И позвали муллу, чтоб он благословил их два брака. Мулла возрадовался в сердце своем такому благочестивому решению братьев, благословил их и сказал: «Венчаю два ваших союза. Вот теперь будет одна семья из четырех человек». Но в ту минуту, как он это говорил, обе новобрачные разрешились от бремени. И дважды два стало шесть. Семья стала состоять из шести человек. Вот что случилось в городе Багдаде, и что знаю я. А Аллах знает больше меня.

Шейхи с восторгом выслушали этот случай из жизни, и визирь, ведающий торговлю страны, поднялся и сказал:

– Не всегда, однако, дважды два бывает и шесть. Вот что произошло в славном городе Дамаске. Один человек, предвидя надобность в мелкой монете, пошел к разбойнику...

У арабов, мой друг, нет еще слова «банкир». И они по старому говорят просто «разбойник».

– Пошел, говорю я, к разбойнику и разменял у него два золотых на серебряные пиастры. Разбойник взял за промен и дал человеку серебра на полтора золотых. Но случилось не так, как предполагал человек, и надобности в мелкой серебряной монете ему не представилось. Тогда он пошел к другому разбойнику и попросил его обменять серебро на золото. Второй разбойник взял столько же за промен и дал человеку один золотой. Так дважды разменянные два золотых

превратились в один. И дважды два оказалось один. Вот что случилось в Дамаске и случается, шейхи, везде.

Шейхи, слушая это, пришли в неописанный восторг:

– Вот чему учит жизнь. Настоящая жизнь. А не какие-то там избранные арабы, дети несчастья.

Они подумали и решили:

– Избранные арабы сказали, будто дважды два четыре. Но жизнь их опровергает. Нельзя издавать нежизненных законов. Шейх-уль-ислам говорит, что дважды два бывает шесть, а визирь, ведающий торговлю, указал, что дважды два бывает и один. Чтоб сохранить полную самостоятельность, собрание шейхов постановляет, что дважды два пять.

И они утвердили закон, постановленный избранными арабами.

– Пусть не говорят, будто мы их законов не утверждаем. И изменили только одно слово. Вместо «четыре» поставили «пять».

Закон читался так:

– Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет пять.

Дело поступило в согласительную комиссию. Везде, мой друг, где есть «несчастье», есть согласительные комиссии.

Там возник жестокий спор. Представители совета шейхов говорили:

– Как вам не стыдно спорить из-за одного слова? Во всем

законе вам изменили только одно слово, и вы поднимаете такой шум. Стыдитесь!

А представители избранных арабов говорили:

– Мы не можем вернуться без победы к нашим арабам!

Долго спорили.

И, наконец, представители избранных арабов решительно объявили:

– Или вы уступите, или мы уйдем!

Представители совета шейхов посоветовались между собою и сказали:

– Хорошо. Мы сделаем вам уступку. Вы говорите четыре, мы говорим пять. Пусть будет ни для кого не обидно. Ни по-вашему, ни по-нашему. Уступаем половину. Пусть дважды два будет четыре с половиной.

Представители избранных арабов посоветовались между собою:

– Все-таки лучше какой-нибудь закон, чем никакого.

– Все-таки мы заставили их пойти на уступку.

– А больше не добьешься.

И объявили:

– Хорошо. Согласны.

И согласительная комиссия от избранных арабов и совета шейхов объявила:

– Объявляется законом, незнанием которого никто отговариваться не может, что всегда и при всех обстоятельствах дважды два будет четыре с половиной.

Об этом было возведено чрез глашатаев на всех базарах.
И все были в восторге.

В восторге были визири:

– Дали урок избранным арабам, чтоб даже дважды два четыре провозглашали с оглядкой.

В восторге были шейхи:

– Не по-ихнему вышло!

В восторге были избранные арабы:

– Все-таки совет шейхов принудили пойти на уступки.

Все поздравляли себя с победой.

А страна? Страна была в величайшем восторге. Даже куры, – и те весело проводили свое время.

Такие-то бывают, мой друг, на свете арабские сказки.

Сказка о сказке

Однажды Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал фантазию.

Она сказала себе:

– А почему бы и нет? Много гурий¹ в раю пророка, много красавиц в земном раю, – в гареме халифа. В садах пророка не была бы я последней из гурий, среди жен падишаха я, быть может, была бы первой из жен, и среди одалисок – первой из его одалисок. Где кораллы ярче моих губ, и дыхание их – как воздух полудня. Стройны мои ноги, и как две лилии – грудь моя, – лилии, на которых выступили пятнышки крови. Счастлив тот, кто склонит голову на мою грудь. Чудные сны приснятся ему. Как луна в первый день полнолуния, светло лицо мое. Как черные бриллианты горят мои глаза, и тот, кто в минуту страсти заглянет в них близко-близко – как бы велик он ни был! – увидит себя в них таким маленьким, таким маленьким, что рассмеется. Аллах создал меня в минуту радости, и вся я – песнь своему творцу.

Взяла и пошла. Одетая только в свою красоту.

На пороге дворца ее с ужасом остановил страж.

– Чего ты хочешь здесь, женщина, забывшая надеть не

¹ Гурии – в мусульманской мифологии девы, вместе с праведниками населяющие джанну (рай).

только чадру!

– Я хочу видеть славного и могущественного султана Гарун-аль-Рашида, падишаха и халифа, нашего великого повелителя. Аллах один да будет повелителем на земле.

– Да будет во всем воля Аллаха. Как твое имя? Бесстыдство?

– Мое имя: Истина. Я не сержусь на тебя, воин. Истину часто принимают за бесстыдство, так же, как ложь за стыд. Иди и доложи обо мне.

Во дворце халифа все пришли в волнение, узнав, что пришла Истина.

– Ее приход часто означает уход для многих! – задумчиво сказал великий визирь Джаффар.

И все визири почувствовали опасность.

– Но она женщина! – сказал Джаффар. – У нас принято, что всяким делом занимается тот, кто в нем ничего не понимает. И потому женщинами ведают евнухи.

Он обратился к великому евнуху. Хранителю покоя, чести и счастья падишаха. И сказал ему:

– Величайший из евнухов! Там пришла женщина, полагающаяся на свою красоту. Удали ее. Помня, однако, что все это происходит во дворце. Удали ее по-придворному. Так, чтоб все было красиво и пристойно.

Великий евнух вышел на крыльцо и мертвыми глазами взглянул на обнаженную женщину.

– Ты хочешь видеть халифа? Но халиф не должен видеть

тебя в таком виде.

– Почему?

– В таком виде приходят на этот свет. В таком виде уходят с него. Но ходить в таком виде на этом свете нельзя.

– Истина только тогда и хороша, когда она голая истина.

– Твои слова звучат правильно, как закон. Но падишах выше закона. И падишах не увидит тебя такой!

– Такою создал меня Аллах. Берегись, евнух, осуждать или порицать. Осуждение было бы безумием, порицание – дерзостью.

– Я не смею осуждать или порицать того, что создал Аллах. Но Аллах создал картофель сырым. Однако, прежде чем есть картофель, его варят. Аллах создал мясо барашка полным крови. Но чтобы есть мясо барашка, его сначала жарят. Аллах создал рис твердым, как кость. И чтобы есть рис, люди варят его и посыпают шафраном. Что сказали бы о человеке, который стал бы есть сырой картофель, сырое баранье мясо и грызть сырой рис, говоря: «Такими создал их Аллах!» Так и женщина. Для того, чтобы быть раздетой, она должна быть сначала одета.

– Картофель, баранина, рис! – с негодованием воскликнула Истина. – А яблоки, а груши, душистые дыни? Их тоже варят, евнух, прежде, чем есть?

Евнух улыбнулся так, как улыбаются евнухи и жабы.

– У дыни срезают корку. С яблок и груш снимают кожу. Если ты хочешь, чтоб мы поступили так же с тобою...

Истина поспешила уйти.

– С кем ты говорил сегодня утром, у входа во дворец и, кажется, говорил сурово? – спросил Гарун-аль-Рашид у хранителя его покоя, чести и счастья. – И почему во дворце было такое смятение?

– Какая-то женщина, бесстыдная до того, что желает ходить так, как ее создал Аллах, хотела тебя видеть! – ответил великий евнух.

– Боль родит страх, а страх родит стыд! – сказал халиф. – Если эта женщина бесстыдна, поступите с ней по закону!

– Мы исполняем твою волю, прежде чем она произнесена! – сказал великий визирь Джаффар, целуя землю у ног повелителя. – С женщиной так и поступлено!

И султан, с благосклонностью глядя на него, сказал:

– Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал упрямство.

Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина надела власяницу, подпоясалась веревкой, взяла в руку посох и снова пришла ко дворцу.

– Я – Обличение! – сурово сказала она стражу. – Именем Аллаха я требую, чтобы меня допустили к халифу.

И страж в ужасе – стражи всегда приходят в ужас, когда ко дворцу халифа приближается посторонний, – страж в ужасе побежал к великому визирю.

– Опять та женщина! – сказал он. – Она прикрыта влася-

ницей и называет себя Обличением. Но по глазам я увидел, что она – Истина.

Визири пришли в волнение.

– Какое неуважение к султану – идти против нашей воли!

И Джаффар сказал:

– Обличение? Это уж касается великого муфтия.

Призвал великого муфтия и поклонился ему:

– Да спасет нас твоя праведность! Поступи благочестиво и по-придворному.

Великий муфтий вышел к женщине, поклонился ей до земли и сказал:

– Ты – Обличение? Да будет благословен твой каждый шаг на земле. Когда муэдзин с минарета пропоет славу Аллаху и правоверные соберутся в мечеть для молитвы, – приходи. Украшенное резьбою и перламутром кресло шейха я с поклоном уступлю тебе. Обличай правоверных! Твое место в мечети.

– Я хочу видеть халифа!

– Дитя мое! Государство – это могучее дерево, корни которого глубоко ушли в землю. Народ – это листья, которые покрывают дерево, и падишах – это цветок, который цветет на этом дереве. И корни, и дерево, и листья, – все для того, чтобы пышно цвел этот цветок. И благоухал, и украшал дерево. Так создал Аллах! Так хочет Аллах! Твои слова, слова Обличения, – поистине живая вода. Да будет благословенна каждая росинка этой воды! Но где ж ты слышала, дитя, что-

бы поливали самый цветок? Поливают корни. Поливай корни, чтоб пышной цвел цветок. Поливай корни, мое дитя. Иди отсюда с миром, твое место в мечети. Среди простых правоверных. Там обличай!

И со слезами злости на глазах ушла Истина от ласкового и мягкого муфтия.

А Гарун-аль-Рашид спросил в тот день:

– Сегодня утром, у входа в мой дворец ты говорил с кем-то, великий муфтий, и говорил кротко и ласково, как всегда, – а во дворце почему-то была в это время тревога? Почему?

Муфтий поцеловал землю у ног падишаха и ответил:

– Все беспокоились, а я говорил кротко и ласково, потому что это была безумная. Она пришла во власянице и хотела, чтобы ты тоже ходил во власянице. Смешно даже подумать! Стоит ли быть властителем Багдада и Дамаска, Бейрута и Бельбека, чтобы ходить во власянице! Это значило бы быть неблагодарным Аллаху за его дары. Такие мысли могут приходиться только безумным.

– Ты прав, – сказал халиф, – если эта женщина безумна – к ней надо отнестись с жалостью, но сделать так, чтобы она не могла никому повредить.

– Твои слова, падишах, служат похвалою для нас, твоих слуг. Так нами и поступлено с женщиной! – сказал Джаффар.

И Гарун-аль-Рашид с благодарностью взглянул на небо,

пославшее ему таких слуг:

– Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал хитрость.

Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина приказала достать себе пестрых шалей из Индии, прозрачного шелка из Бруссы, золотом затканых материй из Смирны. Со дна моря она достала себе желтых янтарей. Убрала себя перьями птичек, таких маленьких, что они похожи на золотых мух и боятся пауков. Убрала себя бриллиантами, похожими на крупные слезы, рубинами, как капли крови, розовым жемчугом, который кажется на теле следом от поцелуев, сапфирами, подобными кусочкам неба.

И, рассказывая чудеса про все эти чудесные вещи, веселая, радостная, с горящими глазами, окруженная несметной толпой, слушавшей ее с жадностью, восторгом, с замиранием сердца, – подошла ко дворцу.

– Я Сказка. Я – Сказка, пестрая, как персидский ковер, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах. Они звенят так же, как звенят золотые колокольчики на фарфоровых башнях богдыхана китайского. Я расскажу вам о нем. Смотрите на эти бриллианты, они похожи на слезы, которые проливал прекрасная принцесса, когда милый уезжал на край света за славой и подарками для нее. Я расскажу вам о прекраснейшей в мире принцессе. Я расскажу вам о любов-

нике, который оставлял на груди своей милой такие же следы от поцелуев, как эта розовая жемчужина. А ее глаза в это время становились от страсти матовыми, большими и черными, как ночь или этот черный жемчуг. Я расскажу об их ласках. Об их ласках в ту ночь, когда небо было синим-синим, как этот сапфир, а звезды блистали, как это алмазное кружево. Я хочу видеть падишаха, пусть Аллах пошлет ему столько десятков лет жизни, сколько букв в его имени, и удвоит их число и снова удвоит, потому что нет конца и предела щедрости Аллаха. Я хочу видеть падишаха, чтобы рассказать ему про леса из пальм, завитые лианами, где летают вот эти птички, похожие на золотых мух, про львов абиссинского Негуса, про слонов раджи Джейпура, про красоту Тадж-Магаля, про жемчуга повелителя Непала. Я – Сказка, я пестрая Сказка.

И заслушавшийся ее историй, страж позабыл о том, чтобы доложить о ней визирям. Но Сказку уж увидели из окон дворца.

– Там сказка! Там пестрая Сказка!

И Джиаффар, великий визирь, сказал, поглаживая бороду и с улыбкой:

– Она хочет видеть падишаха? Пустите ее! Нам ли бояться вымыслов? Тот, кто делает ножи, ножей не боится.

И сам Гарун-аль-Рашид, услышав веселый шум, спросил:

– Что там? Перед дворцом и во дворце? Что за говор? Что за шум?

– Это пришла Сказка! В чудеса разодетая Сказка! Ее слу-

шают сейчас в Багдаде все, все в Багдаде, от мала до велика, и послушаться не могут. Она пришла к тебе, повелитель!

– Аллах да будет один повелитель! И я хочу слышать то же, что слышит каждый из моих подданных. Пустите ее!

И все резные, и слоновой кости, и перламутровые двери открылись перед Сказкой.

И среди поклонов придворных и ниц упавших рабов Сказка прошла к халифу Гарун-аль-Рашиду. Он встретил ее ласковой улыбкой. И Истина в виде Сказки предстала перед халифом.

Он сказал ей, ласково улыбаясь:

– Говори, дитя мое, я тебя слушаю.

Аллах акбар! Ты создал Истину. Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида. Истина всегда добьется своего.

Кизмет!²

² Судьба! (тюрк.).

Истина

За высокими горами, за дремучим лесом жила царица Истина.

Рассказами о ней был полон весь мир.

Ее не видел никто, но все любили. О ней говорили пророки, о ней пели поэты. При мысли о ней кровь загоралась в жилах. Ею грезили во сне.

Одним она являлась в грезах в виде девушки с золотистыми волосами, ласковой, доброй и нежной. Другим грезилась чернокудрая красавица, страстная и грозная. Это зависело от песен поэтов.

Одни пели:

– Видел ли ты, как в солнечный день, словно море, золотыми волнами ходит спелая нива? Таковы волосы царицы Истины. Расплавленным золотом льются они по обнаженным плечам и спине и касаются ее ног. Как васильки в спелой пшенице горят ее глаза. Встань темной ночью и дождись, как зарозовеет на востоке первое облачко, предвестник утра. Ты увидишь цвет ее щек. Как вечный цветок, цветет и не отцветает улыбка на ее коралловых устах. Всем и всегда улыбается Истина, которая живет там, за высокими горами, за дремучим лесом.

Другие пели:

– Как темная ночь черны волны ее благоухающих волос.

Как молния блещут глаза. Бледно прекрасное лицо. Только избраннику улыбнется она, черноокая, чернокудрая, грозная красавица, которая живет там, за дремучим лесом, за высокими горами.

И юный витязь Хазир решил увидеть царицу Истину.

Там за крутыми горами, там за чащей непроходимого леса, – пели все песни, – стоит дворец из небесной лазури, с колоннами из облаков. Счастлив смелый, которого не испугают высокие горы, кто пройдет через дремучий лес. Счастлив он, когда достигнет лазурного дворца, усталый, измученный, и упадет на ступени и споет призывную песнь. Выйдет к нему обнаженная красавица. Аллах только раз видел такую красоту! Восторгом и счастьем наполнится сердце юноши. Чудные мысли закипят в его голове, чудные слова – на его устах. Лес расступится перед ним, горы склонят свои вершины и сравняются с землей на его пути. Он вернется в мир и расскажет о красоте царицы Истины. И, слушая его вдохновенную повесть об ее красоте, все, сколько есть на свете людей, – все полюбят Истину. Ее одну. Она одна будет царицей земли, и золотой век настанет в ее царстве. Счастлив, счастлив тот, кто увидит ее!

Хазир решил ехать и увидеть Истину.

Он заседлал арабского коня, белого, как молоко. Туго стянулся узорным поясом, обвешал себя дедовским оружием с золотой насечкой.

И, поклонившись товарищам, женщинам и старым витяз-

зям, собравшимся полюбоваться на молодца, сказал:

– Пожелайте мне доброго пути! Я еду, чтобы увидеть царицу Истину и взглянуть в ее очи. Вернусь и расскажу об ее красоте.

Сказал, дал шпоры своему коню и поскакал. Вихрем несся конь по горам, крутился по тропинкам, по которым и козочке проскакать бы с трудом, распластавшись по воздуху, перелетал через пропасти.

И через неделю, на усталом и измученном коне, витязь Хазир подъезжал к опушке дремучего леса.

На опушке стояли кельи, а среди них жужжали на пчельнике золотые пчелы.

Тут жили мудрецы, удалившиеся от земли, и думали о небесном. Они звались: Первые стражи Истины.

Заслышав конский топот, они вышли из келий и с радостью приветствовали увешанного оружием юношу. Самый старый и почтенный из них сказал:

– Будь благословен каждый приход юноши к мудрецам! Небо благословляло тебя, когда ты седлал своего коня!

Хазир соскочил с седла, преклонил колена перед мудрым старцем и ответил:

– Мысли – седины ума. Приветствую седины твоих волос и твоего ума.

Старику понравился учтивый ответ, и он сказал:

– Небо уже благословило твое намерение: ты благополучно прибыл к нам через горы. Разве ты правил на этих козых

тропинках? Архангел вел под уздцы твою лошадь. Ангелы своими крыльями поддерживали твоего коня, когда он, распластавшись в воздухе, словно белый орел, перелетал через бездонные пропасти. Какое доброе намерение привело тебя сюда?

Хазир отвечал:

– Я еду, чтоб увидеть царицу Истину. Весь мир полон песен о ней. Одни поют, что волосы ее светлы, как золото пшеницы, другие – что черны как ночь. Но все сходятся в одном: что царица прекрасна. Я хочу увидеть ее, чтоб потом рассказать людям об ее красоте. Пусть все, сколько есть людей на свете, полюбят ее.

– Доброе намерение! Доброе намерение! – похвалил мудрец. – И ты не мог поступить лучше, как явившись за этим к нам. Оставь твоего коня, войди в эту келью, и мы расскажем тебе все про красоту царицы Истины. Твой конь пока отдохнет, и, вернувшись в мир, ты сможешь рассказать людям все про красоту царицы.

– А ты видел Истину? – воскликнул юноша, с завистью глядя на старика.

Мудрый старец улыбнулся и пожал плечами.

– Мы живем на опушке леса, а Истина живет вон там, за дремучей чащей. Дорога туда трудна, опасна, почти невозможна. Да и зачем нам, мудрым, делать эту дорогу и предпринимать напрасные труды? Зачем нам идти смотреть Истину, когда мы и так знаем, какова она? Мы мудры, мы зна-

ем. Пойдем, и я расскажу тебе о царице все подробности!

Но Хазир поклонился и вдел ногу в стремя:

– Благодарю тебя, мудрый старик! Но я сам хочу увидеть Истину. Своими глазами!

Он был уже на коне.

Мудрец даже затрясся от негодования.

– Ни с места! – крикнул он. – Как? Что? Ты не веришь в мудрость? Ты не веришь в знание? Ты смеешь думать, что мы можем ошибаться? Смеешь не доверять нам, мудрецам! Мальчишка, щенок, молокосос!

Но Хазир взмахнул шелковой плеткой.

– Прочь с дороги! Не то я оскорблю тебя плеткой, которой не оскорблял даже коня!

Мудрецы шарахнулись в стороны, и Хазир помчался на отдохнувшем коне.

Вдогонку ему раздавались напутствия мудрецов:

– Чтоб ты сгинул, негодяй! Пусть небо накажет тебя за дерзость! Помни, мальчишка, в час смерти: кто оскорбляет одного мудрого, оскорбляет весь мир! Чтоб тебе сломать шею, мерзавец!

Хазир мчался на своем коне. Лес становился все гуще и выше. Кудрявые кустарники перешли в дубраву. Через день пути, в тенистой, прохладной дубраве, Хазир выехал к храму.

Это была великолепная мечеть, какую редко сподобливал-

ся видеть кто из смертных. В ней жили дервиши³, которые смиренно звали себя: Псами Истины. И которых звали другие: Верными стражами.

Когда молчаливая дубрава проснулась от топота коня, на встречу витязю вышли дервиши, с верховным муллой во главе.

– Пусть будет благословен всякий, кто приходит к храму Аллаха, – сказал мулла, – тот, кто приходит в юности, благословен на всю жизнь!

– Благословен! – подтвердили хором дервиши.

Хазир проворно соскочил с коня, глубоко поклонился мулле и дервишам.

– Молитесь за путника! – сказал он.

– Откуда и куда держишь путь? – спросил мулла.

– Еду для того, чтобы, вернувшись в мир, рассказать людям о красоте Истины.

И Хазир рассказал мулле и дервишам про свою встречу с мудрецами.

Дервиши рассмеялись, когда он рассказал, как он должен был плеткой пригрозить мудрецам, и верховный мулла сказал:

– Не иначе, как сам Аллах внушил тебе мысль поднять плетку! Ты хорошо сделал, что приехал к нам. Что могли сказать тебе мудрецы про Истину? То, до чего они дошли своим умом! Выдумки! А мы имеем все сведения о царице Истине,

³ Дервиши – странствующие мусульманские монахи.

полученные прямо с неба. Мы расскажем тебе все, что знаем, и ты будешь иметь сведения самые верные. Мы скажем тебе все, что сказано о царице Истине в наших священных книгах.

Хазир поклонился и сказал:

– Благодарю тебя, отец. Но я поехал не для того, чтоб слушать чужие рассказы или читать, что пишется в священных книгах. Это я мог сделать и дома. Не стоило трудить ни себя, ни лошадь.

Мулла нахмурился слегка и сказал:

– Ну, ну! Не упрямясь, мой мальчик! Ведь я знаю тебя давно. Я знал тебя, когда еще жил в мире, когда ты был совсем маленьким, и часто держал тебя на коленях. Я ведь и отца твоего Гафиза знал, и деда твоего Аммелека тоже знал отлично. Славный человек был твой дед Аммелек. Он тоже подумывал о царице Истине. У него в доме лежал Коран. Но он даже и не раскрывал Корана, он довольствовался тем, что ему рассказывали об Истине дервиши. Он знал, что в Коране написано, должно быть, то же самое, – ну, и довольно. К чему ж еще читать книгу! Твой отец Гафиз тоже был очень хороший человек, но этот был помудренее. Как задумается, бывало, об Истине, возьмет сам Коран и прочтет. Прочтет и успокоится. Ну, а ты еще дальше пошел. Ишь ты какой. Тебе и книги мало. К нам порасспросить приехал. Молодец, хвалю, хвалю! Идем, готов рассказать тебе все, что знаю. Готов!

Хазир улыбнулся:

– Отец мой пошел дальше, чем дед. Я – дальше, чем отец. Значит, сын мой пойдет еще дальше, чем я? И сам, своими глазами захочет увидеть Истину? Не так ли надо думать?

Мулла вздохнул:

– Кто знает! Кто знает! Все может быть! Человек не деревцо. Смотришь на побег – не знаешь, что вырастет: дуб, сосна или ясень.

Хазир сидел уж на коне.

– Ну, так вот что! – сказал он. – Зачем же оставлять сыну то, что могу сделать я сам?

И он тронул лошадь. Мулла схватил его за повод.

– Стой, нечестивец! Как же ты смеешь после всего, что я сказал, продолжать путь? А, неверная собака! Так ты смеешь, значит, не верить ни нам, ни Корану!

Но Хазир дал шпоры своему коню. Конь взвился, и мулла отлетел в сторону. Одним прыжком Хазир был уже в чаще, а вслед ему неслись проклятия муллы, крики и вой дервишей.

– Будь проклят, нечестивец! Будь проклят, гнусный оскорбитель! Кого ты оскорбил, оскорбляя нас? Пусть раскаленные гвозди впиваются в копыта твоей лошади при каждом ее шаге! Ты едешь на гибель!

– Пусть разлезется твой живот! Пусть выползут, как гадины, как змеи, твои внутренности! – выли дервиши, катаясь по земле.

Хазир продолжал путь. А путь становился все труднее и труднее. Лес все чаще, и чаща все непроходимее. Пробирасть-

ся приходилось уж шагом, да и то с большим трудом.

Как вдруг раздался крик:

– Остановись!

И, взглянув вперед, Хазир увидел воина, который стоял с натянутым луком, готовый спустить дрожащую стрелу с тугой тетивы. Хазир остановил коня.

– Кто такой? Куда едешь? Откуда? И зачем держишь путь? – спросил воин.

– А ты что за человек? – переспросил его, в свою очередь, Хазир. – И по какому праву спрашиваешь? И для какой надобности?

– А спрашиваю я по такому праву и для такой надобности, – отвечал воин, – что я воин великого падишаха. А приставлен я с товарищами и с начальниками для того, чтоб охранять священный лес. Понял? Ты находишься на заставе, которая называется «заставой Истины», ибо она устроена для охраны царицы Истины!

Тогда Хазир рассказал воину, куда и зачем он едет. Услышав, что витязь держит путь к лазурному дворцу Истины, воин позвал своих товарищей и предводителей.

– Ты хочешь узнать, какая такая на самом деле Истина? – сказал главный предводитель, любясь дорогим оружием, славным конем и молодецкой посадкой Хазира. – Доброе намерение, юный витязь! Доброе намерение! Сходи же скорей с твоего коня, идем, я тебе все расскажу. В законах великого падишаха все написано, какая должна быть Истина, –

и я тебе охотно прочту. Можешь потом вернуться и рассказывать.

– Благодарю тебя! – отвечал Хазир. – Но я отправился затем, чтобы видеть ее своими глазами.

– Эге! – сказал предводитель. – Да мы, брат, не мудрецы тебе, не муллы и не дервиши! Мы разговаривать много не умеем. Слезай-ка с коня, живо, без разговоров!

И предводитель взялся за саблю. Воины тоже понаклонили копыта. Конь испуганно насторожил уши, захрапел и попятился.

Но Хазир вонзил ему шпоры в бока, пригнулся в луке и, засвистав над головой кривою саблей, крикнул:

– Прочь с дороги, кому жизнь еще мила!

За ним только раздались крики и вой.

Хазир уже летел сквозь густую чащу.

А вершины деревьев все плотней и плотней смыкались над головой. Скоро стало так темно, что и днем царила в лесу ночь. Колючие кустарники плотной стеной преграждали дорогу.

Обессилевший и измученный благородный конь уж терпеливо выносил удары плетки и, наконец, пал. Хазир пошел пешком пробираться через лес. Колючий кустарник рвал и драл на нем одежду. Среди тьмы дремучего леса он слышал рев и грохот водопадов, переплывал бурные реки и выбивался из сил в борьбе с лесными потоками, холодными, как лед, бешеными, как звери.

Не зная, когда кончался день, когда начиналась ночь, он брел и, засыпая на мокрой и холодной земле, истерзанный и окровавленный, он слышал кругом в лесной чаще вой шакалов, гиен и рев тигров.

Так неделю брел он по лесу и вдруг зашатался: ему показалось, что молния ослепила его.

Прямо из темной, непроходимой чащи он вышел на поляну, залитую ослепительным солнечным светом.

Сзади черной стеной стоял дремучий бор, а посреди поляны, покрытой цветами, стоял дворец, словно сделанный из небесной лазури. Ступени к нему сверкали, как сверкает снег на вершинах гор. Солнечный свет обвил лазурь и, как паутиной, одел ее тонкими золотыми черточками дивных стихов из Корана.

Платье лохмотьями висело на Хазире. Только оружие с золотой насечкой было все цело. Полуобнаженный, могучий, с бронзовым телом, увешанный оружием, он был еще красивее.

Хазир, шатаясь, дошел до белоснежных ступеней и, как пелось в песнях, измученный и без сил упал на землю.

Но роса, которая брильянтами покрывала благоухающие цветы, освежила его.

Он поднялся, снова полный сил, он не чувствовал более боли от ссадин и ран, не чувствовал усталости ни в руках, ни в ногах. Хазир запел:

– Я пришел к тебе чрез дремучий лес, чрез густую чащу,

через высокие горы, через широкие реки. И в непроглядной тьме дремучего бора мне светло было, как днем. Сплетававшиеся верхушки деревьев казались мне ласковым небом, и звезды горели для меня в их ветвях. Рев водопадов казался мне журчаньем ручейков, и вой шакалов песнью звучал в моих ушах. В проклятиях врагов я слышал добрые голоса друзей, и острые кустарники казались мне мягким, нежным пухом. Ведь я думал о тебе! Я шел к тебе! Выйди же, выйди, царица снов моей души!

И, услышав тихий звук медленных шагов, Хазир даже зазмурился: он боялся, что ослепнет от вида чудной красавицы.

Он стоял с сильно бьющимся сердцем, и когда набрался смелости и открыл глаза, – перед ним была голая старуха. Кожа ее, коричневая и покрытая морщинами, висела складками. Седые волосы свалились в космы. Глаза слезились. Сгорбленная, она едва держалась, опираясь на клюку. Хазир с отвращением отшатнулся.

– Я – Истина! – сказала она.

И так как остолбеневший Хазир не мог пошевелить языком, она печально улыбнулась беззубым ртом и сказала:

– А ты думал найти красавицу? Да, я была такой! В первый день создания мира. Сам Аллах только раз видел такую красоту! Но, ведь, с тех пор века веков промчались за веками. Я стара, как мир, я много страдала, а от этого не делаются прекраснее, мой витязь! Не делаются!

Хазир чувствовал, что он сходит с ума.

– О, эти песни про златокудрую, про чернокудрую красавицу! – простонал он. – Что я скажу теперь, когда вернусь? Все знают, что я ушел, чтоб видеть красавицу! Все знают Хазира, – Хазир не вернется живой, не исполнив своего слова. У меня спросят, спросят: «Какие у нее кудри, – золотые, как спелая пшеница, или темные, как ночь? Как васильки или как молнии горят ее глаза?» А я! Я отвечу: «Ее седые волосы, как свалывшиеся комья шерсти, ее красные глаза слезятся»...

– Да, да, да! – прервала его Истина. – Ты скажешь все это! Ты скажешь, что коричневая кожа складками висит на искривленных костях, что глубоко провалился черный, беззубый рот! И все с отвращением отвернутся от этой безобразной Истины. Никто уж больше никогда не будет любить меня! Грезить чудной красавицей! Ни в чьих жилах не загорится кровь при мысли обо мне. Весь мир, – весь мир отвернется от меня.

Хазир стоял перед нею, с безумным взглядом, схватившись за голову:

– Что ж мне сказать? Что ж мне сказать?

Истина упала перед ним на колени и, протягивая к нему руки, сказала умоляющим голосом:

– Солги!

Правда и ложь

персидская легенда

Однажды на дороге близ большого города встретились Лжец и человек Правдивый.

– Здравствуй, Лжец! – сказал Лжец.

– Здравствуй, Лжец! – ответил Правдивый.

– Ты чего же ругаешься? – обиделся Лжец.

– Я-то не ругаюсь. Вот ты-то лжешь.

– Такое мое дело. Я всегда лгу.

– А я всегда говорю правду.

– Напрасно!

Лжец засмеялся.

– Велика штука сказать правду! Видишь, стоит дерево. Ты и скажешь: «стоит дерево». Так это и всякий дурак скажет. Нехитро! Чтоб соврать, надо что-нибудь придумать, а чтоб придумать, надо все-таки мозгами поворочать, а чтоб ими поворочать, надо их иметь. Лжет человек, значит ум обнаруживает. А правду говорит, стало быть, дурак. Ничего придумать не может.

– Лжешь ты все! – сказал Правдивый. – Выше правды ничего нет. Правда украшает жизнь!

– Ой ли? – опять засмеялся Лжец. – Хочешь пойдём в город, попробуем.

– Пойдем!

– Кто больше людей счастливыми делает: ты со своей правдой, я ли с моей ложью.

– Идем. Идем.

И пошли они в большой город.

Был полдень, а потому было жарко. Было жарко, а потому на улицах ни души не было. Только собака какая-то дорогу перебежала.

Лжец и Правдивый зашли в кофейню.

– Здравствуйте, хорошие люди! – приветствовали их сидевшие, словно сонные мухи, в кофейне и отдыхавшие под навесом люди. – Жарко и скучно. А вы люди дорожные. Расскажите нам, не встречали ли чего любопытного в пути?

– Ничего и никого я не видал, хорошие люди! – отвечал Правдивый. – В такую жару все по домам да по кофейням сидят попрятавшись. Во всем городе только собака какая-то перебежала дорогу.

– А я вот, – сказал Лжец, – сейчас на улице тигра встретил. Тигр перебежал мне дорогу.

Все вдруг ожили. Как истомленные зноем цветы, если взбрызнут их водою.

– Как? Где? Какого тигра?

– Какие бывают тигры? – отвечал Лжец. – Большой, полосатый, клыки оскалил – вот! Когти выпустил – вот! По бокам себя хвостом лупит, – видно зол! Затрясся я, как он из-за угла вышел. Думал – на месте умру. Да, слава Аллаху! Он меня не заметил. А то не говорить бы мне с вами!

– В городе тигр!

Один из посетителей вскочил и во все горло крикнул:

– Эй, хозяин! Вари мне еще кофе! Свежего! До поздней ночи в кофейне сидеть буду! Пусть жена дома кричит хоть до тех пор, пока жилы на шее лопнут! Вот еще! Как и домой пойду, когда по улицам тигр ходит!

– А я пойду к богачу Гассану, – сказал другой. – Он мне хоть и родственник, но не очень-то гостеприимен, нельзя сказать. Сегодня, однако, как начну рассказывать про тигра в нашем городе, расщедрится, угостит и барашком, и пловом. Захочется, чтобы рассказал поподробнее. Поедим за тигрово здоровье!

– А я побегу к самому вали! – сказал третий. – Он сидит себе с женами, да прибавит ему Аллах лет, а им красоты! И ничего, чай, не знает, что в городе делается! Надо ему рассказать, пусть сменит гнев на милость! Вали мне давно грозит: «Я тебя в тюрьму посажу!» Говорит, будто я вор. А теперь простит, да еще деньгами наградит, – что первый ему такое важное донесение сделал!

К обеду весь город только и говорил, что на улицах бродит тигр.

Сотня людей самолично его видела:

– Как не видать? Как вот тебя теперь вижу, – видел. Только, должно быть, сыт был, не тронул.

А к вечеру и жертва тигра обнаружилась.

Случилось так, что в тот самый день слуги вали пойма-

ли одного воришку. Воришка стал было защищаться и даже одного слугу ударил. Тогда слуги вали повалили воришку и поусердствовали так, что уж вечернюю молитву воришка отправился творить пред престолом Аллаха.

Испугались слуги вали своего усердия. Но только на один миг. Побежали они к вали, кинулись в ноги и донесли:

– Могущественный вали! Несчастье! В городе появился тигр и одного воришку насмерть заел!

– Знаю, что тигр появился. Мне об этом другой вор говорил! – отвечал вали. – А что воришку съел, беда невелика! Так и надо было ожидать! Раз тигр появился, должен он кого-нибудь съесть. Премудро устроен свет! Хорошо еще, что вора!

Так что с тех пор жители, завидев слуг вали, переходили на другую сторону.

С тех пор как в городе появился тигр, слуги вали стали драться свободнее.

Жители почти все сидели взаперти.

И если кто заходил рассказать новости про тигра, того встречали в каждом доме с почетом, угощали чем могли лучше:

– Бесстрашный! Тигр в городе! А ты по улицам ходишь!

К богачу Гассану явился бедняк – юноша Казим, ведя за руку дочь Гассана, красавицу и богатую невесту Рохэ. Увидав их вместе, Гассан затрясся весь от злости:

– Или на свете уж больше кольев нет? Как посмел ты, ни-

щий негодяй, в противность всем законам, правилам и приличиям, обесчестить мою дочь, дочь первого богача: по улице с ней вместе идти?

– Благодарю пророка, – отвечал с глубоким поклоном Казим, – что хоть как-нибудь к тебе дочь да пришла! А то бы видел ты ее только во сне. Дочь твою сейчас чуть было тигр не съел!

– Как так? – затрясся Гассан уж с перепуга.

– Проходил я сейчас мимо фонтана, где наши женщины берут обыкновенно воду, – сказал Казим, – и увидел гною дочь Рохэ. Хоть ее лицо и было закрыто, – но кто же не узнает серны по походке и по стройности пальмы? Если человек, объездив весь свет, увидит самые красивые глаза, он смело может сказать: «Это Рохэ, дочь Гассана». Он не ошибется. Она шла с кувшином за водой. Как вдруг из-за угла выпрыгнул тигр. Страшный, огромный, полосатый, клыки оскалил – вот! когти выпустил – вот! Себя по бокам хвостом бьет, – значит – зол.

– Да, да, да! Значит, правду ты говоришь! – прошептал Гассан. – Все, кто тигра видел, так его описывают.

– Что испытала, что почувствовала Рохэ, – спроси у нее самой. А я почувствовал одно: «Пусть лучше я умру, но не Рохэ». Что будет без нее земля? Теперь земля гордится перед небом, – на небе горит много звезд, но глаза Рохэ горят на земле. Кинулся я между тигром и Рохэ и грудь свою зверю подставил: «Терзай!» Сверкнул в руке моей кинжал.

Должно быть, Аллах смилостивился надо мной и сохранил мою жизнь для чего-нибудь очень хорошего. Блеска кинжала, что ли, тигр испугался, но только хлестнул себя по полосатым бокам, подпрыгнул так, что через дом перепрыгнул, и скрылся. А я, – прости! – с Рохэ к тебе пришел.

Гассан схватился за голову:

– Что ж это я, старый дурак! Ты уж не сердись на меня, любезный Казим, как не сердятся на сумасшедшего! Сижу, старый осел, а этакий дорогой, почетный гость передо мной стоит! Садись, Казим! Чем тебя потчевать? Чем угощать? И как милости прошу, позволь мне, храбрый человек, тебе прислуживать!

И когда Казим, после бесчисленных поклонов, отказов и упрасиваний, сел, Гассан спросил у Рохэ:

– Сильно ты испугалась, моя козочка?

– И сейчас еще сердце трепещет, как подстреленная птичка! – отвечала Рохэ.

– Чем же, чем мне тебя вознаградить? – воскликнул Гассан, вновь обращаясь к Казиму. – Тебя, самого доблестного, храброго, лучшего юношу на свете! Какими сокровищами? Требуй от меня, чего хочешь! Аллах – свидетель!

– Аллах среди нас! Он свидетель! – с благоговением сказал Казим.

– Аллах свидетель моей клятвы! – подтвердил Гассан.

– Ты богат, Гассан! – сказал Казим. – У тебя много сокровищ. Но ты богаче всех людей на свете, потому что у тебя

есть Рохэ. Я хочу, Гассан, быть таким же богачом, как и ты! Слушай, Гассан! Ты дал Рохэ жизнь, а потому ее любишь. Сегодня я дал Рохэ жизнь, и потому имею право также ее любить. Будем же ее любить оба.

– Не знаю, право, как Рохэ... – растерялся Гассан.

Рохэ глубоко поклонилась и сказала:

– Аллах свидетель твоих клятв. Неужто ж ты думаешь, что дочь посрамит родного отца перед Аллахом и сделает его клятвопреступником!

И Рохэ вновь с покорностью поклонилась.

– Тем более, – продолжал Казим, – горе связывает язык узлом, радость его развязывает, – тем более, что я и Рохэ давно любим друг друга. Только попросить ее у тебя я не решился. Я нищий, ты богач! И мы каждый день сходились у фонтана оплакивать нашу горькую долю. Потому-то я и очутился сегодня около фонтана, когда пришла Рохэ.

Омрачился Гассан:

– Нехорошо это, дети!

– А если бы мы у фонтана не сходились, – отвечал Казим, – тигр бы съел твою дочь!

Гассап вздохнул:

– Да будет во всем и всегда воля Аллаха. Не мы идем, он нас ведет!

И благословил Рохэ и Казима.

И все в городе славили храбрость Казима, сумевшего добыть себе такую богатую и красивую жену.

До того славили, что даже сам вали позавидовал:

– Надо и мне что-нибудь с этого тигра получить!

И послал вали с гонцом в Тегеран письмо.

«Горе и радость сменяются, как ночи и дни! – писал вали в Тегеран. – Волею Аллаха темная ночь, нависшая над нашим славным городом, сменилась солнечным днем. Напал на наш славный город лютый тигр, огромный, полосатый, с когтями и зубами такими, что глядеть страшно. Через дома прыгал и людей ел. Каждый день мои верные слуги доносили мне, что тигр съел человека. А иногда ел и по два, и по три, случалось – и по четыре в день. Напал ужас на город, только не на меня. Решил я в сердце своем: „Лучше пусть я погибну, но город от опасности спасу“. И один пошел на охоту на тигра. Встретились мы с ним в глухом переулке, где никого не было. Ударил себя тигр хвостом по бокам, чтоб еще больше разъяриться, и кинулся на меня. Но так как я с детства ничем, кроме благородных занятий, не занимался, то и умею я владеть оружием не хуже, чем тигр хвостом. Ударил я дедовской кривой саблей тигра между глаз и разрубил его страшную голову надвое. Через что и спасен мной город от страшной опасности. О чем я и спешу уведомить. Тигрова же кожа в настоящее время выделяется, и, когда будет выделана, я ее пришлю в Тегеран. Сейчас же невыделанную не высылаю из опасения, чтоб тигрова кожа в дороге от жары не прокисла».

– Ты смотри! – сказал вали писарю. – Внимателен будь,

когда переписывать станешь! А то бухнешь вместо «когда будет выделана» – «когда будет куплена!»

Из Тегерана вали прислали похвалу и золотой халат. И весь город был рад, что храбрый вали так щедро награжден.

Только и разговоров было, что о тигре, охоте и награде. Надоело все это Правдивому человеку. Стал он на всех перекрестках всех останавливать:

– Ну, что вы врете? Что врете? Никогда никакого тигра и не было! Выдумал его Лжец! А вы трусите, хвастаетесь, ликуете! Вместе с ним мы шли, и никакого тигра нам никогда не попадалось. Бежала собака, да и то не бешеная.

И пошел в городе говор:

– Нашелся Правдивый человек! Говорит, что тигра не было!

Дошел этот слух и до вали. Приказал вали позвать к себе Правдивого человека, затопал на него ногами, закричал:

– Как ты смеешь ложные известия в городе распространять!

Но Правдивый человек с поклоном ответил:

– Я не лгу, а говорю правду. Не было тигра, – я и говорю правду: не было. Бежала собака, – я и говорю правду: собака.

– Правду?! – Вали усмехнулся. – Что такое правда? Правда – это то, что говорит сильный. Когда я говорю с шахом – правда то, что говорит шах. Когда я говорю с тобой – правда то, что говорю я. Хочешь всегда говорить правду? Купи себе раба. Что бы ты ему ни сказал – все всегда будет правда.

Скажи, ты существуешь на свете?

– Существую! – с уверенностью ответил Правдивый.

– А по-моему – нет. Вот прикажу тебя сейчас посадить на кол, – и выйдет, что я сказал чистейшую правду: никакого тебя и на свете нет! Понял?

Правдивый стоял на своем:

– А все-таки правду буду говорить! Не было тигра, собака бежала! Как же мне не говорить, когда я своими глазами видел!

– Глазами?

Вали приказал слугам принести золотой халат, присланный из Тегерана.

– Это что такое? – спросил вали.

– Золотой халат! – ответил Правдивый.

– А за что он прислан?

– За тигра.

– А за собаку золотой халат прислали бы?

– Нет, не прислали бы.

– Ну, значит, ты теперь своими глазами видел, что тигр был. Есть халат – значит, был и тигр. Иди и говори правду. Был тигр, потому что сам халат за него видел.

– Да, ведь, правда...

Тут вали рассердился.

– Правда это то, что молчат! – сказал он наставительно. –

Хочешь правду говорить, – молчи. Ступай и помни.

И пошел Правдивый человек с большим бесчестьем.

То есть в душе-то его все очень уважали. И Казим, и вали, и все думали: «А ведь один человек во всем городе правду говорит!»

Но все от него сторонились: кому же охота, Правдивому человеку поддакивая, Лжецом прослыть?!

И никто его на порог не пускал.

– Нам вралей не надо!

Вышел Правдивый человек из города в горе. А навстречу ему идет Лжец, толстый, румяный, веселый.

– Что, брат, отовсюду гонят?

– В первый раз в жизни ты правду сказал! – отвечал Правдивый.

– Теперь давай сосчитаемся! Кто больше счастливых сделал: ты своей правдой или я своей ложью. Казим счастлив, – на богатой женился. Вали счастлив, – халат получил. Всяк в городе счастлив, что его тигр не съел. Весь город счастлив, что у него такой храбрый вали. А все через кого? Через меня! Кого ты сделал счастливым?

– Разговаривать с тобой! – махнул рукой Правдивый.

– И сам даже ты несчастлив. А я, – погляди! Тебя везде с порога гонят. Что ты сказать можешь? То, что на свете существует? То, что все и без тебя знают? А я такое говорю, чего никто не знает. Потому что я все выдумываю. Меня послушать любопытно. Оттого мне везде и прием. Тебе – одно уваженье. А мне – все остальное! И прием, и угощенье.

– С меня и одного уваженья довольно! – ответил Правди-

вый.

Лжец даже подпрыгнул от радости:

– В первый раз в жизни солгал! Будто довольно?

И так как Правдивый покраснел, то Лжец добавил:

– Соврал, брат! Есть-то, ведь, и тебе хочется!

Не те пятки

Мудрый Джааффар, заботливый правитель города, заметил, что по улицам и базарам Каира бродят, пошатываясь, люди с бледными, словно восковыми, лицами, крупными каплями пота на лбу и мутными глазами. Презренные курильщики опиума. Их было много, очень много. Это обеспокоило заботливого правителя города. И он созвал к себе на совещание всех наиболее почитаемых, знатнейших и богатейших людей Каира.

Угостив их сладким кофе, рахат-лукумом, финиками, начиненными фисташками, вареньем из лепестков роз, янтарным медом, винными ягодами, изюмом, миндалем и орехами в сахаре, он встал, поклонился и сказал:

– Святой муфтий, чтимые муллы, уважаемый кади, почтенные шейхи и вы все, кого знатность, власть или богатство поставили выше людей! Только один Аллах в сноти премудрости знает, на что существует это безумие. Но весь Каир курит опиум. Люди похожи на воду, и недовольство – на тот туман, который поднимается над водой. Люди недовольны жизнью здесь, на земле, и ищут другой в мечтах, которые навеивает на них проклятый сок мака. Я созвал вас, чтобы спросить у вашей мудрости совета: что нам делать в такой беде?

Все вежливо молчали. Только один кто-то сказал:

– Устроить людям жизнь здесь на свете получше!

Но на него посмотрели, как на дурака.

Поднялся сам муфтий, поклонился и сказал:

– Жители Каира – ленивцы. Среди них много воров. Они плуты, мошенники, обманщики. И если каждый из них не продает родного отца, то только потому, что нет покупателей. Но они благочестивы. А это самое главное. К благочестию их и надо обратиться. Против желаний сильна только мысль. А мысль – это благовонный дым, который исходит от пламенных слов. Горят и пылают слова, от них струятся мысли и фимиамом заволакивают умы слушателей. Позволь мне, заботливый и мудрый правитель города, обратиться к благочестивым жителям Каира с пламенными словами о вреде курения опиума.

Заботливый правитель города ответил:

– Аллах дал человеку язык, чтобы говорить. Я позволяю обращаться к жителям с какими угодно словами, только бы эти слова не были против полиции. Можно говорить, что угодно об Аллахе, но ничего о полиции. Аллах всемогущ и сам сумеет наказать виновного. Это его святое дело. Но полиции касаться я не позволю. Во всем остальном язык свободен, как птица. И слова – как птичье пение.

В ближайшую пятницу в самой большой мечети Каира муфтий поднялся на возвышение и сказал:

– Создания Аллаха! Вы курите опиум, потому что это одна из радостей жизни. Бросьте, потому что это только одна

из радостей жизни. Что такое жизнь? Что говорит нам о ней пророк, да будет над ним мир и благословение? Не увлекайтесь радостями этой жизни, тленной и скоропреходящей, потому что там вас ждут радости вечные, которым нет конца и нет перерыва. Не увлекайтесь богатством. Там ждут вас горы алмазов, рубинов, бирюзы. Золотом вытканы там палатки из драгоценных шалей, пухом, нежнее лебяжьего, набиты подушки, и мягки они, как колени матери. Не увлекайтесь едой и питьем. Там ждет вас еда, которую вы будете есть вечно, не зная пресыщенья. И розами пахнет там свежая ключевая вода. Не увлекайтесь охотой. Дивными птицами, красоты неописанной, словно покрытыми драгоценными камнями, полны там леса. И из каждого куста на вас будет смотреть газель. И вы будете стрелять их золотыми стрелами без промаха, несясь на конях, быстрых и легких, как ветер. Не увлекайтесь женщинами. Там будут служить вам покорные гурии, прекрасные, вечно юные, не знающие старости, не знающие забот, кроме одной: быть вам приятными. Их глаза полны любви, а слова – музыки. Их вздохи наполняют воздух ароматом цветов. Когда они танцуют, они похожи на лилии, качающиеся на своих стеблях. Ваш опиум дает вам это только на мгновение, а там, там это вечно!

И чем лучше говорил святой муфтий про рай, тем больше разгоралось в сердцах слушателей желание узнать этот рай поскорее и увидеть его хоть на одно мгновенье.

Чем больше проповедовал муфтий, тем сильнее и сильнее

распространялось курение опиума в Каире.

Скоро не осталось ни одного благочестивого человека, который бы не курил.

Если встречался на улице или на базаре человек с цветущим лицом и ясными глазами, мальчишки хватали камни:

– Вот нечестивец, который никогда не ходит в мечеть! Он не слышал, как наш святой муфтий описывает рай, и не желает повидать этот рай хоть на мгновенье.

Все это встревожило заботливого правителя города Джаффара.

Он созвал к себе знатнейших и благороднейших жителей города на совещание, угостил их кофе и сладостями, как требовало его и их достоинство, поклонился и сказал:

– Благочестие благочестием, но внушать людям хорошие мысли при помощи слов мне кажется противным природе. Человек принимает и извергает принятую пищу с разных концов своего тела. То же должно быть и с пищей духовной. Голова – это желудок, где перевариваются мысли, а изо рта они вылетают в виде слов. Раз с этого конца тела мысли выходят, значит, входить они должны с другого конца. Из этого я заключаю, что хорошие мысли должно внушать палками по пяткам. Это дело уже не муфтия, а заптиев. Так я понимаю свои обязанности.

Все вежливо молчали.

Присутствовавший на собрании мудрый и святой дервиш перестал есть сладости и сказал:

– Ты прав. Но нужно бить палками надлежащие пятки!

– Я и буду колотить те пятки, которые следует! – сказал Джаффар.

В тот же день глашатаи на всех базарах и перекрестках улиц Каира с барабанным боем во все горло прокричали приказ заботливого правителя города:

– Объявляется всем добрым и благочестивым жителям Каира, – да хранит Аллах этот город тысячи тысячелетий, – что отныне воспрещается всем, мужчинам, женщинам и евнухам, юношам, взрослым, старикам, знатным, рабам, богачам и нищим, курить опиум, так как куренье опиума не только вредно для здоровья, но неприятно начальству. Всякий, кто будет уличен в курении опиума, тут же, на месте, немедленно, без всяких разговоров, получит столько палок по пяткам, сколько он может вытерпеть. И даже несколько больше. О чем правителем города Джаффаром, – да пошлет ему Аллах столько счастья, сколько послал мудрости, – дан надлежащий приказ всем заптиям. Имеющие пятки пусть подумают!

Джаффар собрал к себе заптиев и сказал им:

– Отныне, как только увидите человека с бледным лицом, в поту и с мутными глазами, бейте его по пяткам, как в бубен. Безо всякого милосердия. Идите, и да поможет вам в этом Аллах.

Заптии весело посмотрели на заботливого правителя города. Полиция всегда рада исполнить волю начальства.

И сказали:

– Пошли Аллах жителям побольше пяток, а у заптиев рук хватит.

Целые дни и даже ночи Джаффар, сидя у себя в доме, слышал вопли тех, кому вбивали в пятки хорошие мысли, и радовался:

– Искореняют!

Заптии, как он заметил, стали одеваться лучше, губы и щеки у них лоснились от бараньего жира, – видимо, каждый день ели молодого барашка, – и многие даже завели себе кольца с бирюзой.

Но курение опиума не уменьшалось. Кофейни были полны людьми, которые душевными глазами видели рай, но телесными смотрели мутно и не видели ничего.

– Те ли пятки вы бьете? – спросил заботливый правитель города у начальника заптиев, помня слова мудрого и святого дервиша.

– Господин! – отвечал тот, целуя землю у его ног. – Мы поступаем по твоему мудрому приказу: как только увидим человека в поту, с бледным лицом и с мутными глазами, безо всякого милосердия бьем его по пяткам.

Джаффар приказал послать осла за мудрым и святым дервишем.

Мудрый и святой дервиш приехал с великой честью. Джаффар встретил его босиком, потому что голова мудреца – это дом Аллаха, и к жилищу Аллаха надо приближаться

босым.

Поклонился дервишу до земли и рассказал свое горе.

– Спроси совета у твоей мудрости и сообщи его моей простоте.

Дервиш пришел в дом заботливого правителя города, сел на почетное место и сказал:

– Моя мудрость сейчас молчит, потому что говорит желудок. Мудрость умна и знает, что желудка не перекричишь. У него такой громкий голос, что, когда он кричит, все мысли улетают из головы, как испуганные птицы из куста. Я пробовал его укрощать, но с этим бунтовщиком можно справиться, только исполнив все его требования. Этот бунтовщик меньше всякого другого слушает доводы рассудка. По дороге к тебе я встретил ягненка, но с таким курдючком, какой приятно было бы видеть и у взрослого барана. В желудке у меня явилась мысль: «Хорошо бы посмотреть его зажаренным». Но рассудок ответил: «Мы едем к заботливому Джаффару, и там нас ждет ягненок, чиненый орехами». Желудок замолчал, пока мы не встретили курицы, курицы такой жирной, что от лени она едва ходила. «Хорошо бы начинить эту курицу фисташками!» – подумал желудок, но разум ответил ему: «Заботливый Джаффар, наверное, это уже сделал». При виде гранатового дерева желудок стал кричать: «Куда мы едем и чего ищем, когда счастье около нас? В жару какое общество может быть приятнее общества спелой гранаты в тени дерева?» Разум отвечал разумно: «У забот-

ливого Джаффару нас ждут не только спелые гранаты, но и апельсиновые корки, вареные в меду, и все сорта шербета, какие только может придумать заботливый человек». Так ехал я и всю дорогу думал о кебабах, пловах, почках, жареных на вертеле курах с шафраном, и успокаивал желудок тем, что все это, наверное, найдем мы у тебя. И в изобилии. Теперь же, когда я не вижу ничего, кроме тебя, мой желудок кричит так громко, что моя мудрость молчит из боязни не быть услышанной даже мною.

Джаффар удивился:

– Неужели мудрые и святые думают о таких вещах, как кебабы и пловы?

Дервиш рассмеялся:

– А неужели ты думаешь, что вкусные вещи созданы для дураков? Святые должны жить в свое удовольствие, чтоб всякому захотелось стать святым. А если святые будут жить плохо, а хорошо только грешники, всякий человек предпочтет быть грешником. Если святые будут умирать с голода, только дурак захочет быть святым. И тогда вся земля наполнится грешниками, а рай пророка – одними дураками.

Услышав такие мудрые и справедливые слова, заботливый Джаффар поспешил приготовить для дервиша угощение, которое отвечало бы его мудрости и было бы достойно его святости.

Мудрый и святой дервиш поел всего с величайшим вниманием и сказал:

– Теперь займемся делами. Горе твое в том, что ты бьешь не по тем пяткам.

И заснул, как делает каждый мудрый человек после хорошего обеда.

Три дня думал заботливый Джаффар.

Что же могли значить мудрые слова святого человека? И наконец, радостно воскликнул:

– Нашел настоящие пятки!

Он призвал к себе всех заптиев города и сказал:

– Друзья мои! Вы жалуетесь, что пятки жителей победили руки полицейских. Но это случилось потому, что Мы били не по тем пяткам. Желая уничтожить деревья, Мы обрывали листья, а надо выкопать корни. Отныне бейте без всякого милосердия не только тех, кто курит, но и тех, кто продает опиум. Всех содержателей кофеен, харчевен и бань. Не жалейте палок, Аллах создал целые леса из бамбука.

Заптии весело посмотрели на заботливого правителя города. Полиция всегда рада приказаниям начальства. И сказали:

– Господин! Мы жалеем только об одном. Что у жителей всего по две пятки. Если бы было по четыре, мы вдвое сильнее могли бы доказать тебе свое усердие!

Через неделю Джаффар с радостным изумлением увидел, что заптии оделись совсем хорошо, все ездили на ослах, и никто не ходил пешком, – даже самые бедные, женатые всего на одной жене, переженились на четырех.

А курение опиума все не уменьшалось.

Заботливый Джаффар впал в сомнение:

– Неужели ошибается мудрый и святой человек?

И сам поехал к дервишу. Дервиш встретил его с поклонами и сказал:

– Твое посещение – великая честь. Я плачу за нее обедом. Всякий раз, когда ты приезжаешь ко мне, вместо того, чтобы позвать меня к себе, мне кажется, что у меня отнимают превосходный обед.

Джаффар понял и подал святому и мудрому блюдо с серебряными монетами.

– Рыба, – сказал он, – это только рыба. Из нее не сделаешь баклажанов. Баклажаны только баклажаны. Барашек – только барашек. А деньги – это и рыба, и баклажаны, и барашек. Из денег можно сделать все. Не смогут ли эти монеты заменить тебе обед?

Мудрый и святой дервиш посмотрел на блюдо с серебряными монетами, погладил бороду и сказал:

– Блюдо серебряных монет похоже на плов, которого можно съесть сколько угодно. Но заботливый хозяин прибавляет в плов шафрану!

Джаффар понял и посыпал серебряные монеты сверху золотыми.

Тогда дервиш взял блюдо, с почестями ввел заботливого правителя города к себе в дом, внимательно выслушал его и сказал:

– Скажу тебе, Джаффар! Твое горе в одном: ты бьешь не те пятки! И курение опиума в Каире не прекратится до тех пор, пока ты не отколотишь надлежащих пяток!

– Но какие же это пятки?

Мудрый и святой дервиш улыбнулся:

– Ты только что взрыхлил почву и посеял семена, а ждешь, чтобы сразу выросли деревья и принесли тебе плоды. Нет, мой друг, надо приходить почаще и поливать деревья побильнее. Ты угостил меня хорошим обедом, за который я благодарю тебя еще раз, и принес мне денег, за которые с нетерпением жду случая поблагодарить тебя еще раз. Счастливо оставаться, Джаффар. Ожидаю твоих приглашений или посещений, как тебе будет угодно. Ты господин, я буду тебе повиноваться.

Джаффар поклонился мудрецу, как надо кланяться святому. Но в душе его бушевала буря.

«Может быть, – думал он, – в раю этот святой будет как раз на месте, но на земле он совсем неудобен. Он хочет сделать из меня козу, которая сама приходит в дом, чтобы ее доили! Не бывать же этому!»

Он приказал согнать всех жителей Каира и сказал им:

– Негодяи! Хоть бы вы посмотрели на моих заптивев! Они борются с куреньем опиума, и смотрите, как невидимо помогает им Аллах. Самый неженатый из них стал очень женатым в какую-нибудь неделю. А вы? Вы прокуриваете на опиуме все, что имеете. Скоро ваших жен придется продавать

за долги. И вам останется сделаться евнухами, чтобы как-нибудь поддерживать свое жалкое существование. Отныне всех вас будут бить бамбуками по пяткам! Весь город виноват, весь город и будет наказан.

И тут же отдал приказ заптяям:

– Бей всех, правого и виноватого! Мудрый и святой дервиш говорит, что есть какие-то пятки, которых мы не можем отыскать. Чтоб не было ошибки, бейте всех. Так мы поступимся и в ту дверь, в какую следует. Не ускользнут от нас виновные пятки, и все прекратится.

Через неделю были прекрасно одеты не только все заптии, но и их жены.

А курение опиума в Каире не прекратилось. Тогда заботливый правитель города пришел в отчаяние, приказал нажарить, напечь, наварить, наготовить на три дня, послал осла за мудрым и святым дервишем, встретил его с блюдом, наполненным одними золотыми монетами, три дня потчевал и угощал и только на четвертый приступил к делу. Рассказал свое горе.

Мудрый и святой дервиш покачал головой:

– Горе твое, Джаффар, осталось все то же. Ты бьешь не по тем пяткам, по каким следует.

Джаффар вскочил:

– Прости, но на этот раз даже тебе я стану противоречить! Если в Каире есть хоть одна виновная пятка, она теперь получила столько палок, сколько следует! И даже больше.

Дервиш ответил ему спокойно:

– Сядь. Стоя человек не делается умнее. Будем рассуждать спокойно. Сначала ты приказал бить по пяткам бледных людей, в поту и с мутными глазами. Так?

– Я срывал листья с вредных деревьев.

– Заптии колотили по пяткам людей, которые, все в поту от труда, бледные от усталости и с помутившимися от утомления глазами, возвращались с работы домой. Крики этих людей ты и слышал у себя в доме. А с курильщиков опиума они брали бакшиш. Вот почему заптии и стали одеваться лучше. Потом ты приказал колотить по пяткам тех, кто продает опиум, содержателей кофеен, бань, харчевен?

– Я хотел добраться до корней.

– Заптии начали колотить по пяткам тех содержателей кофеен, харчевен и бань, которые не торговали опиумом. «Торгуй и плати нам бакшиш!» Оттого все начали торговать опиумом, куренье усилилось, и заптии весьма переженились. Тогда ты приказал бить сплошь по всем пяткам?

– Когда хотят поймать самую мелкую рыбу, закидывают самую частую сеть.

– Заптии начали брать бакшиш со всех. «Плати и кричи, чтоб заботливый правитель города слышал, как мы стараемся!» А не платишь – палками по пяткам. Вот когда нарядились не только заптии, но и жены их.

– Что же мне делать? – схватился за голову заботливый правитель города.

– Не хватайся за голову. От этого она не становится находчивее. Отдай приказ: если в Каире будут еще курить опиум, бить палками по пяткам заптиев.

Джиаффар поднялся в раздумье.

– Святость святостью, а закон законом! – сказал он. – Я позволяю говорить что угодно, но только не против полиции.

И приказал дать дервишу, несмотря на всю его мудрость и святость, тридцать палок по пяткам.

Дервиш вытерпел палки, мудро и справедливо тридцать раз прокричал, что ему больно.

Сел на осла, спрятал деньги в сумку, отъехал шагов десять, обернулся и сказал:

– Участь всякого человека написана в книге судеб. Твоя участь: всегда бить не те пятки, которые следует.

Зеленая птица

Великий визирь Мугабедзин созвал своих визирей и сказал:

– Чем больше я смотрю на наше управление, тем больше вижу нашу глупость.

Все остолбенели. Но никто не посмел возражать.

– Чем мы занимаемся? – продолжал великий визирь. – Мы караем злодеяния. Что может быть глупее этого?

Все изумились, но возражать никто не посмел.

– Когда выпалывают огород, дурные травы выпалывают вместе с корнем. Мы же только подстригаем дурную траву, когда ее видим, – от этого дурная трава только разрастается еще гуще. Мы имеем дело с деяниями. А где корень деяний? В мыслях. И мы должны знать мысли, чтобы предупредить дурные деяния. Только зная мысли, мы и будем знать, кто хороший человек, кто дурной. От кого чего можно ждать. Только тогда и будет наказан порок и награждена добродетель. А пока мы только подстригаем траву, а корни остаются целы, отчего трава только разрастается гуще.

Визирь с отчаянием переглянулись.

– Но мысль спрятана в голове! – сказал один из них, похрабрее. – А голова – это такая костяная коробка, что, когда разобьешь ее, улетает и мысль.

– Но мысль такая непоседа, что сам Аллах создал для нее

выход – рот! – возразил великий визирь. – Не может быть, чтобы человек, имея мысль, кому-нибудь ее не высказал. Мы должны знать самые сокровенные мысли людей, такие, которые они высказывают только самым близким, когда не опасаются быть подслушанными.

Визири в один голос радостно воскликнули:

– Надо увеличить число соглядатаев!

Великий визирь только усмехнулся:

– Один человек имеет состояние, другой работает. Но вот человек: и капитала у него нет, и ничего не делает, а ест, как пошли Аллах всякому! Всякий сразу догадается: это – соглядатай. И начнет остерегаться. Соглядатаев у нас и так много, да толку нет. Увеличивать их число – значит, разорять казначейство, и только!

Визири стали в тупик.

– Даю вам неделю времени! – сказал им Мугабедзин. – Или через неделю вы придете и скажете мне, как читать чужие мысли, или можете убираться! Помните, что дело идет о ваших местах! Идите!

Прошло шесть дней. Визири при встрече друг с другом только разводили руками.

– Выдумал?

– Лучше соглядатаев ничего не мог выдумать! А ты?

– Лучше соглядатаев ничего на свете быть не может!

Жил при дворе великого визиря некто Абл-Эддин, молодой человек, шутник и пересмешник. Делать он ничего не

делал. То есть, ничего путного.

Выдумывал разные шутки над почтенными людьми. Но так как шутки его нравились высшим, а шутил он над низшими, то все Абл-Эддину сходило с рук. К нему и обратились визири.

– Вместо того, чтобы выдумывать глупости, выдумай что-нибудь умное!

Абл-Эддин сказал:

– Это будет потруднее.

И назначил такую цену, что визири сразу сказали:

– Да, это человек неглупый!

Сложились, отсчитали ему деньги, и Абл-Эддин сказал им:

– Вы будете спасены. А как, – не все ли вам равно? Не все ли равно утопающему, как его вытащат: за волосы или за ногу.

Абл-Эддин пошел к великому визирю и сказал:

– Разрешить заданную тобой задачу могу я.

Мугабедзин спросил его:

– Как?

– Когда ты требуешь от садовника персиков, ты ведь не спрашиваешь его: как он их вырастит? Он положит под дерево навоза, а от этого будут сладкие персики. Так и государственное дело. Зачем тебе вперед знать, как я это сделаю. Мне работа – тебе плоды.

Мугабедзин спросил:

– А что тебе для этого нужно?

Абл-Эддин ответил:

– Одно. Какую бы я глупость ни выдумал, ты должен на нее согласиться. Хотя бы тебя брал страх, что нас с тобой обоих за это посадят к сумасшедшим.

Мугабедзин возразил:

– Я-то, положим, останусь на своем месте, а вот тебя посадят на кол!

Абл-Эддин согласился:

– Будь по-твоему. Еще одно условие. Ячмень сеют с осени, а собирают летом. Ты дашь мне срок от полнолуныя. В это полнолуные я посею, в то полнолуные – жни.

Мугабедзин сказал:

– Хорошо. Но помни, что дело идет о твоей голове.

Абл-Эддин только засмеялся:

– Человека сажают на кол, а говорят, что речь идет о голове.

И подал великому визирю к подписи готовую бумагу.

Великий визирь только за голову схватился, прочитав ее:

– Тебе, вижу, страшно хочется сесть на кол!

Но, верный данному обещанию, бумагу подписал. Только визирю, управляющему правосудием, дал приказ:

– Заостри для этого молодца кол понадежнее.

На следующий день глашатаи по всем улицам и площадям Тегерана возглашали, при звуках труб и барабанном бое:

«Жители Тегерана! Веселитесь!

Наш премудрый повелитель, властитель властителей, обладающий мужеством льва и светлый, как солнце, отдал, как вам известно, управление всеми вами заботливому Мугабедзину, да продлит Аллах его дни без конца.

Мугабедзин сим объявляет. Дабы жизнь каждого перса текла в приятности и удовольствии, – да заведет себе каждый в доме попугая. Эта птица, одинаково занятная как для взрослых, так и для детей, служит истинным украшением дома. Богатейшие индийские раджи имеют сих птиц для утешения в своих дворцах. Пусть дом каждого перса украсится так же, как дом богатейшего индийского раджи. Мало того! Каждый перс должен помнить, что знаменитый „павлиний трон“ властителя властителей, отнятый его предками в победоносной войне у Великого Могола, украшен сделанным из одного, цельного, неслыханной величины изумруда – попугаем. Так что при виде сей изумрудного цвета птицы каждый будет невольно вспоминать о павлиньем троне и восседающем на нем властелине властелинов. Заботу о снабжении попугаями всех добрых персов заботливый Мугабедзин передал Абл-Эддину, у которого персы и могут приобретать попугаев по установленной цене. Приказ этот исполнить до наступления ближайшего новолуния.

Жители Тегерана! Веселитесь!»

Жители Тегерана дались диву. Визирь втихомолку спорили между собой: кто больше сошел с ума? Абл-Эддин, написав такую бумагу? Или Мугабедзин, который ее подписал?

Абл-Эддин выписал из Индии огромный транспорт попугаев, и так как он продавал их вдвое дороже, чем покупал, то нажил хорошие деньги.

Попугаи сидели на жердочках во всех домах. Визирь, управляющий правосудием, заострил кол и заботливо обил его жезлом. Абл-Эддин ходил веселый.

Но вот прошел срок от полнолуния до полнолуния. Над Тегераном взошла полная, сверкающая луна. Великий визирь позвал к себе Абл-Эддина и сказал:

– Ну, мой друг, пора садиться на кол!

– Смотри, не посади меня куда-нибудь попочетнее! – ответил Абл-Эддин. – Жатва готова, иди и жни! Отправляйся и читай мысли!

И с величайшей пышностью, верхом на белом арабском коне, при свете факелов, в сопровождении Абл-Эддина и всех визирей, Мугабедзин отправился в Тегеран.

– Куда тебе угодно заехать? – спросил Абл-Эддин.

– Хоть вот в этот дом! – указал великий визирь.

Хозяин остолбенел, увидев таких великолепных гостей.

Великий визирь ласково кивнул ему головой. А Абл-Эддин сказал:

– Веселись, добрый человек! Наш заботливый великий визирь заехал узнать, как ты поживаешь, весело ли, доставляет ли тебе удовольствие зеленая птица?

Хозяин поклонился в ноги и ответил:

– С тех пор, как премудрый господин приказал нам заве-

сти зеленую птицу, веселье не покидает нашего дома. Я, моя жена, мои дети, все знакомые не нарадуются на птицу! Хвала великому визирю, внесшему радость в наш дом!

– Прекрасно! Прекрасно! – сказал Абл-Эддин. – Принеси и покажи нам твою птицу.

Хозяин принес клетку с попугаем и поставил перед великим визирем. Абл-Эддин достал из кармана фисташек и начал пересыпать их с руки на руку. Завидев фисташки, попугай потянулся, нагнулся боком, посмотрел одним глазом. И вдруг крикнул:

– Дурак великий визирь! Вот дурак великий визирь! Вот дурак! Вот дурак!

Великий визирь вскочил, как ужаленный:

– Ах, подлая птица!

И вне себя от ярости обратился к Абл-Эддину:

– Кол! На кол этого негодяя! Выдумал как меня осрамить?!

Но Абл-Эддин спокойно поклонился и сказал:

– Птица не от себя это выдумала! Значит, она часто это слышит в этом доме! Вот что говорит хозяин, когда уверен, что его никто чужой не подслушивает! В лицо он тебя хвалит мудрым, а за глаза...

А птица, глядя на фисташки, продолжала орать:

– Великий визирь дурак! Абл-Эддин – вор! Вор Абл-Эддин!

– Ты слышишь, – сказал Абл-Эддин, – сокровенные мыс-

ли хозяина!

Великий визирь обратился к хозяину:

– Правда?

Тот стоял бледный, словно уже умер.

А попугай продолжал кричать:

– Великий визирь дурак!

– Да уймите же проклятую птицу! – крикнул Мугабедзин.

Абл-Эддин свернул попугаю шею.

– А хозяина на кол!

И великий визирь обратился к Абл-Эддину:

– Садись на моего коня! Садись, тебе говорят! А я поведу его под уздцы. Чтобы знали все, как я умею казнить за дурные мысли и ценить мудрые!

С этих пор, по словам Мугабедзина, он «читал в чужих головах лучше, чем в своей собственной».

Лишь только его подозрение падало на какого-нибудь перса, он требовал:

– Его попугая.

Перед попугаем клали фисташки, и попугай, глядя на них одним глазом, рассказывал все, что было на душе у хозяина. Что чаще всего слышалось в задушевных беседах. Ругал великого визиря, ругательски ругал Абл-Эддина. Визирь, управляющий правосудием, не успевал обтесывать колы. Мугабедзин так полол огород, что скоро в нем не осталось бы и капусты.

Тогда знатнейшие и богатейшие люди Тегерана явились к

Абл-Эддину, поклонились ему и сказали:

– Ты выдумал птицу. Ты выдумай на нее и кошку. Что нам делать?

Абл-Эддин усмехнулся и сказал:

– Дуракам помогать трудно. Но если вы наутро выдумаете что-нибудь умное, и я для вас что-нибудь придумаю.

Когда наутро Абл-Эддин вышел в свою приемную, весь пол ее был выстлан червонцами, а купцы стояли в приемной и кланялись.

– Это неглупо! – сказал Абл-Эддин. – Удивляюсь, как вам не пришла в голову такая простая мысль: передуйте своих попугаев и купите у меня новых. Да и выучите их говорить: «Да здравствует великий визирь! Абл-Эддин благодетель персидского народа!» Только и всего.

Персы, вздохнувши, посмотрели на свои червонцы и ушли. Между тем зависть и злоба делали свое дело. Соглядатаи, – а их в Тегеране было множество, – были распущены Мугабедзином.

– Зачем мне кормить соглядатаев, когда тегеранцы сами кормят соглядатаев, состоящих при них! – смеялся великий визирь.

Соглядатаи остались без куска хлеба и распускали про Абл-Эддина дурные слухи. Слухи эти достигали Мугабедзина.

– Весь Тегеран проклинает Абл-Эддина, а за него и великого визиря. «Нам и самим есть нечего, – говорят тегеран-

цы, – а тут еще птиц корми!»

Слухи эти упали на хорошую почву.

Государственный человек – кушанью подобен. Пока мы голодны, кушанье пахнет хорошо. Когда поедим, и смотреть противно. То же и государственный человек. Государственный человек, который уж сделал свое дело, всегда в тягость.

Мугабедзин стал уже тяготиться Абл-Эддином:

– Не слишком ли я уж осыпал почестями этого выскочку? Не слишком ли уж он возгордился? Такую простую вещь я придумал бы и сам. Дело нехитрое!

Слухи о ропоте в народе пришли вовремя. Мугабедзин призвал к себе Абл-Эддина и сказал:

– Ты оказал мне дурную услугу. Я думал, ты сделаешь что-нибудь полезное. Ты принес только вред. Ты меня обманул! Благодаря тебе в народе идет только ропот и растет недовольство! И все из-за тебя! Ты изменник!

Абл-Эддин спокойно поклонился и сказал:

– Ты можешь меня казнить, но в правосудии ты мне отказать не захочешь. Ты можешь посадить меня на кол, но сначала спросим у самого народа: ропщет ли он и недоволен ли? У тебя есть средство знать сокровенные мысли персов. Я дал тебе это средство. Обрати его теперь против меня.

На следующий же день Мугабедзин, в сопровождении Абл-Эддина, в сопровождении всех своих визирей, поехал по улицам Тегерана: «Чтоб прислушаться к голосу народа».

День был жаркий и солнечный. Все попугаи сидели на ок-

нах. При виде блестящей процессии зеленые птицы тарасили глаза и кричали:

– Да здравствует великий визирь! Абл-Эддин – благодетель персидского народа!

Так они проехали весь город.

– Вот сокровенные мысли персов! Вот что они говорят между собой у себя дома, когда уверены, что их никто не подслушивает! – сказал Абл-Эддин. – Ты слышал своими ушами!

Мугабедзин был тронут до слез.

Он сошел со своего коня, обнял Абл-Эддина и сказал:

– Я виноват перед тобой и перед собой. Я послушался клеветников! Они сядут на кол, а ты садись на моего коня, и я снова поведу его под уздцы. Садись, тебе говорят!

С тех пор Абл-Эддин не выходил больше из милости у великого визиря.

Ему при жизни была оказана величайшая почесть. В честь него был устроен великолепный мраморный фонтан с надписью:

«Абл-Эддину – благодетелю персидского народа».

Великий визирь Мугабедзин жил и умер в глубокой уверенности, что он: «Уничтожил недовольство в персидском народе и внушил ему самые лучшие помыслы».

А Абл-Эддин, до конца дней своих торговавший попугаями и наживший на этом большие деньги, записал в своей летописи, откуда взят весь этот рассказ: «Так иногда голоса

попугаев принимают за голос народа».

Без Аллаха

Однажды Аллаху надоело быть Аллахом. Он покинул свой трон и чертоги, спустился на землю и сделался самым обыкновенным человеком. Купался в реке, спал на траве, собирал ягоды и питался ими.

Засыпал вместе с жаворонками и просыпался, когда солнце щекотало ему ресницы.

Каждый день солнце всходило и заходило. В ненастные дни шел дождик. Птицы пели, рыба плескалась в воде. Как будто ничего и не случилось! Аллах с улыбкой глядел кругом и думал: «Мир, как камушек с горы. Толкнул его, он сам собой и катится».

И захотелось Аллаху посмотреть: «Как-то живут без меня люди? Птицы, те глупы. И рыбы тоже глупы. А вот как-то без Аллаха живут умные люди? Лучше или хуже?»

Подумал, оставил поля, луга и рощи и отправился в Багдад.

«Стоит ли уж и город-то на месте?» – думал Аллах.

А город стоял на своем месте. Ослы кричат, верблюды кричат, и люди кричат.

Ослы работают, верблюды работают, и люди работают. Все, как было и раньше!

«Только моего имени уж никто не поминает!» – подумал Аллах.

Захотелось ему узнать, о чем люди разговаривают.

Пошел Аллах на базар. Входит на базар и видит: торговец продает лошадь молодому парню.

– Клянусь Аллахом, – кричит торговец, – конь совсем молодой! Три года всего, как от матери отняли. Ах, какой конь! Сядешь на него, витязем будешь. Клянусь Аллахом, что витязем! И без пороков конь! Вот тебе Аллах, ни одного порока! Ни самого маленького!

А парень смотрит на коня:

– Ой, так ли?

Торговец даже руками всплеснул и за чалму схватился:

– Ой, какой глупый! Ой, какой глупый человек! Таких глупых я еще и не видывал! Как же не так, если я тебе Аллахом клянусь? Что же мне, по-твоему, своей души не жалко!

Парень взял коня и заплатил чистым золотом.

Аллах дал им кончить дело и подошел к торговцу.

– Как же так, добрый человек? Ты Аллахом клянешься, а ведь Аллаха-то и нет больше!

Торговец в это время прятал золото в кошель. Тряхнул кошельем, послушал звон и усмехнулся.

– А хоть бы и так? Да разве, спрашивается, иначе-то он купил бы у меня коня? Ведь конь-то старый, да и копыто у него треснувшее!

Улыбнулся Аллах и пошел дальше.

А навстречу ему носильщик Гуссейн. Куль такой несет, вдвое больше, чем он сам. А за носильщиком Гуссейном –

купец Ибрагим. У Гуссейна под кулем ноги подкашиваются. Пот градом льет. Глаза на лоб вылезли. А Ибрагим идет следом и приговаривает:

– Аллаха ты не боишься, Гуссейн! Взялся куль нести, а несешь тихо! Этак мы в день и трех кулей не перенесем. Нехорошо, Гуссейн! Нехорошо! Ты бы хоть о душе подумал! Ведь Аллах-то все видит, как ты лениво работаешь! Аллах тебя накажет, Гуссейн.

Аллах взял Ибрагима за руку и отвел его в сторону.

– Чего ты все Аллаха на каждом шагу поминаешь? Ведь Аллаха-то нету!

Ибрагим почесал шею.

– Слышал я об этом! Да ведь что ж ты поделаешь? Как иначе Гуссейна заставить кули поскорее таскать? Кули-то тяжелы. Денег ему за это прибавить – убыток. Отколотить – так Гуссейн поздоровее меня, самого еще отколотит. К вали его отвести – так Гуссейн по дороге сбежит. А Аллах-то и всех сильнее, и от Аллаха никуда не сбежишь, вот я его Аллахом и пугаю!

Покачал головою Аллах и пошел дальше. И везде, куда только Аллах ни заглядывал, только и слышал, что: «Аллах! Аллах! да Аллах!»

А день уж склонился к вечеру. Побежали от домов длинные тени, пожаром запылали небеса, и с минарета понеслась протяжная, протяжная песнь муэдзина:

– Ля илль аго илль алла⁴...

Остановился Аллах около мечети, поклонился мулле и сказал:

– Чего же ты народ в мечеть собираешь? Ведь Аллаха больше нет!

Мулла даже вскочил в испуге.

– Тише ты! Помалкивай! Накричишь, услышат. Нечего сказать, хорош мне тогда почет будет! Кто ж ко мне и пойдет, коли узнают, что Аллаха нет!

Аллах нахмурил брови и огненным столбом взвился к небесам на глазах онемевшего и грохнувшегося на землю муллы.

Аллах вернулся в свои чертоги и сел на свой трон. И не с улыбкой уж, как прежде, глядел на землю, которая была у его ног.

Когда первая же душа правоверного предстала пред Аллахом, робкая и трепещущая, Аллах посмотрел на нее испытующим оком и спросил:

– Ну, а что хорошего сделал ты, человек, в жизни?

– Имя твое не сходило у меня с уст! – отвечала душа.

Аллах покачал головой:

– Ну, дальше?

– Что б я ни предпринимал, что бы ни делал, все с именем Аллаха.

– Хорошо! Хорошо! – перебил Аллах. – Дальше-то, что

⁴ Нет бога, кроме Аллаха... (араб.)

ты делал хорошего в жизни?

– А я и другим внушал, чтоб помнили Аллаха! – отвечала душа. – Не только сам помнил! Другим, на каждом шагу, с кем только имел дело – всем напоминал про Аллаха.

– Экий усердный какой! – усмехнулся Аллах. – Ну, а нажил при этом ты много?

Душа задрожала.

– То-то! – сказал Аллах и отвернулся.

А к душе ползком, ползком подобрался Шайтан, схватил ее за ноги и поволок. Так прогневался на землю Аллах.

Судья на небе

Азраил, ангел смерти, летая над землей, коснулся своим крылом мудрого кади Османа.

Судья умер, и бессмертная душа его предстала пред пророком.

Это было у самого входа в рай.

Из-за деревьев, покрытых, словно розовым снегом, цветами, доносился звон бубнов и пение божественных гурий, призывавшее к неземным наслаждениям.

А издали, из дремучих лесов, неслись звуки рогов, звонкий топот коней и лихие клики охотников. Храбрые, на белоснежных арабских скакунах носились они за быстроногими сернами, свирепыми вепрями.

– Пусти меня в рай! – сказал судья Осман.

– Хорошо! – отвечал пророк. – Но сначала ты должен мне сказать, чем его заслужил. Таков у нас закон на небе.

– Закон? – Судья глубоко поклонился и приложил руку к челу и к сердцу в знак величайшего почтения. – Это хорошо, что у вас есть законы, и вы их исполняете. Это я в вас хвалю. Закон должен быть везде и должен исполняться. Это у вас хорошо устроено.

– Итак, чем же ты заслужил рай? – спросил великий пророк.

– На мне не может быть греха! – отвечал судья. – Я всю

жизнь только и делал, что осуждал грех. Я был судьей там, на земле. Я судил, и судил очень строго!

– Вероятно, ты сам блистал какими-нибудь особенными добродетелями, если судил других? Да еще судил строго! – спросил пророк.

Судья нахмурился.

– Насчет добродетелей... не скажу! Я был такой же, как и все люди. Но я судил потому, что получал за это жалованье!

– Невелика еще добродетель! – улыбнулся пророк.

– Получать жалованье! Я не знаю ни одного порочного человека, который бы от этого отказался. Выходит так: ты осуждал людей за то, что у них нет тех добродетелей, каких нет и у тебя. И за это еще получал жалованье! Те, кто получает жалованье, судят тех, кто жалованья не получает. Судья может судить простого смертного. А простой смертный не может судить судью, хотя бы судья и был явно виноват. Мудрено что-то!

Чело судьи хмурилось все больше и больше.

– Я судил по законам! – сухо сказал он. – Я знал их все и по ним судил.

– Ну, а те, кого ты судил, – любопытствовал пророк, – знали законы?

– О, нет! – с гордостью ответил судья. – Куда им! Это дается не каждому!

– Значит, ты судил их за неисполнение законов, которых они даже и не знали?! – воскликнул пророк. – Ну, что же

ты? Старался о том, чтоб все знали законы? Старался просвещать незнающих?

– Я судил! – с твердостью ответил судья. – Видя, что законы нарушаются.

– Старался ли ты сделать так, чтоб людям не нужно было нарушать законов?

– Я получал жалованье за то, чтоб судить! – Судья мрачно и подозрительно посмотрел на пророка. Чело судьи наморщилось, глаза были гневны. – Ты говоришь неподходящие вещи, пророк, должен я тебе заметить! – строго сказал он. – Опасные вещи! Ты рассуждаешь слишком вольно, пророк! По твоим рассуждениям я подозреваю, не шиит ли ты, пророк? Суннит так не должен рассуждать, пророк! Твои слова предусмотрены книгами Сунн!

Судья подумал.

– А потому, на основании четвертой книги Сунн, страница сто двадцать третья, четвертая строка сверху, читать со второй половины, и руководствуясь разъяснениями мудрых старцев, наших святых мулл, я обвиняю тебя, пророк...

Тут пророк не выдержал и рассмеялся.

– Иди назад, на землю, судья! – сказал он. – Ты слишком строг для нас. Тут у нас, на небе, гораздо лучше!

И он отослал премудрого судью обратно на землю.

– Но как же это сделать, когда я умер? – воскликнул судья. – Как оформить?

– Прошу считать твою смерть недействительной! – улыб-

нулся пророк.

– А! Так хорошо! Раз так оформлено, я согласен!

И судья вернулся на землю.

Халиф и грешница

«Во славу Аллаха, единого и всемогущего. Во славу пророка, да будет над ним мир и благословение.

Именем султана и эмира Багдада, халифа всех правоверных и смиренного слуги Аллаха – Гаруна-аль-Рашида, – мы, верховный муфтий города Багдада, объявляем настоящую священную фетву, – да будет ведомо всем.

Вот что, согласно с Кораном, вложил нам в сердце Аллах: Нечестие распространяется по земле, и гибнут царства, гибнут страны, гибнут народы ради роскоши, забав, пиров и изнеженности, забывши Аллаха.

Мы же хотим, чтоб аромат благочестия возносился от нашего города Багдада к небу, как возносится благоухание его садов, как возносятся священные призывы муэдзинов с его минаретов.

Зло в мир идет через женщину.

Они забыли предписания закона, скромность и добрые нравы. Они обвешивают себя драгоценностями с головы до ног. Носят чадры, прозрачные как дым от наргилэ. И если покрываются драгоценными тканями, то только для того, чтобы лучше выставить губительные прелести своего тела. Свое тело, это создание Аллаха, они сделали орудием соблазна и греха.

Соблазняясь ими, воины теряют храбрость, купцы – бо-

гатства, ремесленники – любовь к труду, земледельцы – охоту работать.

Поэтому и решили мы в сердце своем – вырвать у змеи ее смертоносное жало.

Объявляется во сведение всех живущих в великом и славном городе Багдаде:

Всякие пляски, пение и музыка в Багдаде воспрещаются. Запрещается смех, запрещаются шутки.

Женщины должны выходить из дома, закутанные с ног до головы покрывалами из белого полотна.

Им разрешается сделать только небольшие отверстия для глаз, чтобы они, идя по улице, нарочно не натыкались на мужчин.

Всем, – старым и молодым, красивым и безобразным, – всем знать: если у какой-нибудь из них увидят обнаженным хоть кончик мизинца, – она будет обвинена в покушении на гибель всех мужчин и защитников города Багдада и немедленно побита камнями. Таков закон.

Исполнять его, как если бы он был подписан самим халифом, великим Гаруном-аль-Рашидом.

Его милостию и назначением великий муфтий города Багдада шейх Газиф».

Под грохот барабанов, при звуках труб такую фетву прочли глашатаи на базарах, перекрестках и у фонтанов Багдада – и в тот же миг прекратились пение, музыка и пляски в веселом и роскошном Багдаде. Словно чума заглянула в город.

В городе стало тихо, как на кладбище.

Словно призраки, брели по улицам закутанные с головы до ног в глухие белые покрывала женщины, и только испуганно выглядывали из узких щелочек их глаза.

Обезлюдели базары, исчезли шум и смех, и даже в кофейнях замолкли болтливые рассказчики сказок.

Люди всегда так: бунтуют – так уж бунтуют, а если начнут повиноваться законам, то повинуются так, что даже властям становится противно.

Сам Гарун-аль-Рашид не узнал своего веселого, радостного Багдада.

– Премудрый шейх, – сказал он великому муфтию, – мне кажется, что твоя фетва чересчур уж сурова!

– Повелитель! Законы и собаки должны быть злы, чтобы их боялись! – ответил великий муфтий.

И Гарун-аль-Рашид поклонился ему:

– Быть может, ты и прав, премудрый шейх!

В это время в далеком Каире, городе веселья, смеха, шуток, роскоши, музыки, пения, пляски и прозрачных женских покрывал, жила танцовщица по имени Фатьма-ханум, да простит ей Аллах ее грехи за те радости, которые она доставляла людям. Ей исполнилась ее восемнадцатая весна.

Фатьма-ханум славилась среди танцовщиц Каира, а танцовщицы Каира славились среди танцовщиц всего мира.

Она много слыхала о роскоши и богатствах Востока, а крупнейшим бриллиантом среди Востока, слыхала она, свер-

кал Багдад.

Весь мир говорил о великом халифе всех правоверных, Гаруне-аль-Рашиде, об его блеске, великолепии, щедрости.

Слух о нем коснулся и ее розовых ушей, и Фатьма-ханум решила поехать на восток, в Багдад, к халифу Гарун-аль-Рашиду – порадовать его взор своими танцами.

– Обычай требует, чтоб каждый правоверный приносил халифу лучшее, что у него есть; принесу и я великому халифу лучшее, что у меня есть, – свои танцы.

Она взяла с собой свои наряды и отправилась в далекий путь. Корабль, на котором она плыла из Александрии в Бейрут, настигла буря. Все потеряли голову.

Фатьма-ханум оделась так, как обычно одевалась для танцев.

– Смотрите! – с ужасом показывали на нее перепуганные путники. – Одна женщина уже сошла с ума!

Но Фатьма-ханум отвечала:

– Чтобы мужчине жить, – ему нужна только сабля, женщине нужно только платье к лицу, – мужчина достанет ей все остальное.

Фатьма-ханум была так же мудра, как и красива. Она знала, что все уже написано в книге Судьбы. Кизмет!⁵

Корабль разбило о прибрежные скалы, и изо всех пливших на корабле одну Фатьму-ханум выкинуло на берег. Именем Аллаха, она с попутными караванами доехала от Бейру-

⁵ Судьба! (тюрк.)

та до Багдада.

– А ведь мы везем тебя на смерть! – говорили ей в виде ободрения погонщики и провожатые. – В Багдаде тебя побьют камнями за то, что ты так одета!

– В Каире я была так же одета, и никто меня за это не ударил даже цветком!

– Там нет такого добродетельного муфтия, как шейх Газиф в Багдаде, и он не издавал такой фетвы!

– Но за что же? За что?

– Говорят, что такое платье возбуждает у мужчин превратные мысли!

– Как же я могу отвечать за чужие мысли? Я отвечаю только за собственные!

– Поговори об этом с шейхом Газифом!

Фатьма-ханум прибыла в Багдад с караваном ночью.

Одна, в темном, пустом, мертвом городе бродила она по улицам, пока не увидела дома, где светился огонь. И постучалась. Это был дом великого муфтия.

Так осенью, во время перелета птиц, ветер несет перепелок прямо в сети.

Великий муфтий шейх Газиф не спал.

Он сидел, думал о добродетели и сочинял новую фетву, еще суровее прежней... Услышав стук, он насторожился:

– Уж не сам ли халиф Гарун-аль-Рашид? Ему часто не спится по ночам, и он любит бродить по городу!

Муфтий сам отворил дверь и отступил в изумлении и ужа-

се.

– Женщина?! Женщина? У меня? У великого муфтия? И в такой одежде?

Фатьма-ханум глубоко поклонилась и сказала:

– Брат моего отца! По твоему величественному виду, по твоей почтенной бороде я вижу, что ты не простой смертный. По огромному изумруду, – цвет пророка, да будет на нем мир и благословение, – который украшает твою чалму, я догадываюсь, что вижу перед собой самого великого муфтия Багдада, почтенного, знаменитого и премудрого шейха Газифа. Брат моего отца, прими меня, как ты принял бы дочь твоего брата! Я родом из Каира. Моя мать назвала меня Фатьма. Занятием я танцовщица, если только угодно назвать это удовольствием занятием. Я приехала в Багдад, чтобы повеселить взгляд халифа правоверных своими танцами. Но клянусь, великий муфтий, я ничего не знала о грозной фетве, – несомненно справедливой, ибо она исходит от твоей мудрости. Вот почему я осмелилась предстать перед тобой одетая не по фетве. Прости меня, великий и премудрый муфтий!

– Аллах один велик и премудр! – ответил муфтий. – Я действительно зовусь Газиф, люди называют меня шейхом, а наш великий повелитель, халиф Гарун-аль-Рашид, назначил меня, – выше моих заслуг, – великим муфтием. Твое счастье, что ты попала ко мне, а не к простому смертному. Простой смертный, на основании моей же фетвы, должен был бы немедленно послать за заптиями или сам побить тебя кам-

нями.

– Что же сделаешь со мною ты?! – в ужасе воскликнула Фатьма-ханум.

– Я? Ничего! Я буду любоваться тобой. Закон, как собака, – он должен кусать других и ласкаться к своим хозяевам. Фетва сурова, но фетву написал я. Будь, как дома, дочь моего брата. Хочешь петь – пой, хочешь танцевать – танцуй!

Но, когда раздался звук тамбурина, муфтий вздрогнул:

– Тише! Услышат! А вдруг проклятый кади узнает, что у великого муфтия ночью была чужестранка... О, эти сановники! Змея не жалит змеи, а сановники только и думают, как бы ужалить друг друга. Конечно, эта женщина красива, и я с удовольствием сделал бы ее первой танцовщицей моего гарема. Но мудрость, великий муфтий. Мудрость... Отошлю-ка я эту преступницу к кади. Пусть станцует перед ним. Если кади признает ее виновной и прикажет казнить, – да свершится правосудие... Закон о моей фетве ни разу еще не применялся, а закон, который не применяется, – это собака, которая не кусает. Ее перестают бояться. Ну, а если кади прельстится и помилует ее, – жало у проклятой змеи будет вырвано! Спокойно может спать тот подсудимый, в преступлении которого участвовал судья.

И великий муфтий написал к кади записку: «Великий кади! К тебе, как к верховному судье Багдада, посылаю я преступницу против моей фетвы. Как врач исследует самую опасную болезнь, не боясь заболеть сам, – исследуй преступ-

ление этой женщины. Сам взгляни на нее и на ее танцы. И если признаешь ее виновной против моей фетвы, – призови справедливость. Если же признаешь заслуживающей снисхождения, – призови в свое сердце милосердие. Ибо милосердие – выше справедливости. Справедливость родилась на земле, а родина милосердия – небо».

Великий кади тоже не спал. Он писал на завтра решения по тем делам, которые будет разбирать, – заранее – «чтобы не томить подсудимых ожиданием приговора».

Когда к нему привели Фатьму-ханум, он прочел записку муфтия и сказал:

– А! старая ехидна! Сам, видно, нарушил свою фетву и теперь желает, чтобы ее нарушили мы!

И, обратившись к Фатьме-ханум, промолвил:

– Итак, ты чужестранка, ищешь справедливости и гостеприимства. Прекрасно. Но, чтобы оказать тебе справедливость, я должен знать все твои преступления. Танцуй, пой, совершай свои преступные деяния. Помни одно: перед судьей ты не должна ничего скрывать. От этого зависит справедливость приговора. Что же касается гостеприимства, то это уж специальность судьи. Судья всегда держит своих гостей дольше, чем они этого хотят.

И в доме кади в эту ночь зазвучал тамбурин. Великий муфтий не ошибся.

Гарун-аль-Рашиду в эту ночь не спалось, и он, по своему обыкновению, бродил по улицам Багдада. Сердце сжи-

малось тоской у халифа. Это ли его веселый, шумный, беспечный Багдад, не спавший обыкновенно далеко за полночь? Теперь из всех домов неся храп. Как вдруг сердце халифа вздрогнуло. Он услышал звук тамбурина. Играли, – как это ни странно, – в доме великого муфтия. Через несколько времени тамбурин загремел в доме кади.

– Все прекрасно в этом прекраснейшем городе! – воскликнул, улыбаясь, халиф. – В то время, как порок спит, добродетель веселится!

И он пошел во дворец, страшно заинтересованный тем, что происходило ночью в доме великого муфтия и кади.

Едва дождался рассвета, и лишь только розовые лучи восхода залили Багдад, прошел в Львиную залу своего дворца и объявил верховный суд. Гарун-аль-Рашид сидел на троне. Около него стоял хранитель его чести и могущества – оруженосец и держал обнаженный меч. Справа от халифа сидел великий муфтий в чалме с огромным изумрудом, – цвет пророка, да будет над ним мир и благоволение. Слева сидел верховный кади в чалме с огромным рубином, – как кровь.

Халиф положил руку на обнаженный меч и сказал:

– Во имя Аллаха, единого и милосердного, объявляем верховный суд открытым. Да будет он так же справедлив и милостив, как Аллах! Счастлив город, который может спать спокойно, потому что за него не спят его правители. Сегодня ночью Багдад спал спокойно, потому что за него не спали трое: я – его эмир и халиф, мой премудрый муфтий и мой

грозный кади!

– Я составлял новую фетву! – сказал муфтий.

– Я занимался государственными делами! – сказал кади.

– И как радостно предаваться добродетели! Как пляска, это совершается под звуки тамбурина! – весело воскликнул Гарун-аль-Рашид.

– Я допрашивал обвиняемую! – сказал муфтий.

– Я допрашивал обвиняемую! – сказал кади.

– Сто раз счастлив город, где порок преследуется даже по ночам! – воскликнул Гарун-аль-Рашид.

– Мы тоже знаем об этой преступнице. Мы слышали о ней от встретившегося нам ночью на улице погонщика каравана, с которым она прибыла в Багдад. Мы приказали взять ее под стражу, и она сейчас здесь. Введите обвиняемую!

Фатьма-ханум вошла дрожа и упала перед халифом.

Гарун-аль-Рашид обратился к ней и сказал:

– Мы знаем, кто ты, и знаем, что ты прибыла из Каира, чтобы повеселить глаза своего халифа своими танцами. Лучшее, что у тебя есть, принесла ты нам в простоте своей души. Но ты нарушила священную фетву великого муфтия и за это подлежишь суду. Встань, дитя мое! И исполни свое желание: танцуй перед халифом. То, от чего не погибли ни великий муфтий, ни мудрый кади, – от того не погибнет, с помощью Аллаха, и халиф.

И Фатьма-ханум начала танцевать.

Глядя на нее, великий муфтий шептал, но так, чтобы было

слышно халифу:

– О, грех! О, грех! Она топчет священную фетву!

Глядя на нее, верховный кади шептал, но так, чтобы было слышно халифу:

– О, преступление! О, преступление! Каждое ее движение достойно смерти!

Халиф смотрел молча.

– Грешница! – сказал Гарун-аль-Рашид. – Из города красивого порока, Каира, ты прибыла в город суровой добродетели – Багдад. Здесь царит благочестие. Благочестие, а не лицемерие. Благочестие – золото, а лицемерие – фальшивая монета, за которую ничего не даст Аллах, кроме кары и гибели. Ни красота, ни несчастья, которые ты претерпела, не смягчают сердец твоих судей. Добродетель сурова, и жалость ей недоступна. Не простирай напрасно своих умоляющих рук ни к великому муфтию, ни к верховному кади, ни ко мне, твоему халифу... Великий муфтий! Твой приговор этой женщине, преступившей священную фетву?

Великий муфтий поклонился и сказал:

– Смерть!

– Верховный кади! Твой суд!

Верховный кади поклонился и сказал:

– Смерть!

– Смерть! – говорю и я. Ты преступила священную фетву и должна быть побита камнями тут же, на месте, не медля ни мгновения. Кто же первый бросит в тебя камень? Я, твой ха-

лиф!.. Я должен бросить в тебя первый попавшийся камень!

Гарун-аль-Рашид снял тюрбан, сорвал с него огромный бриллиант, славный «Великий Могол», и бросил в Фатьму-ханум. Бриллиант упал у ее ног.

– Вторым будешь ты! – сказал халиф, обращаясь к великому муфтию. – Твой тюрбан украшает великолепный темно-зеленый изумруд, цвет пророка, да будет нам мир и благословение... Какое лучшее назначение для такого прекрасного камня, как не покарать порок?

Великий муфтий снял чалму, сорвал огромный изумруд и бросил.

– Очередь за тобой, верховный кади! Суров твой долг и кровью сверкает огромный рубин на твоём тюрбане. Исполни свой долг!

Кади снял чалму, оторвал рубин и бросил.

– Женщина! – сказал Гарун-аль-Рашид. – Возьми эти камни, заслуженные тобой, как наказание за преступление. И сохрани их, как воспоминание о милости твоего халифа, благочестии его великого муфтия и справедливости его верховного кади. Иди!

И с тех пор, говорят, повелся на свете обычай закидывать красивых женщин драгоценными камнями.

– Шейх Газиф, мой великий муфтий! – сказал халиф. – Надеюсь, что сегодня ты съешь плов в свое удовольствие. Я исполнил твою фетву!

– Да, но я ее отменяю. Она слишком сурова!

– Как? Ты говорил: закон, как собака. Чем злее, тем больше его бояться!

– Да, повелитель! Но собака должна кусать чужих. Если же она кусает хозяина, собаку сажают на цепь!

Так судил мудрый халиф Гарун-аль-Рашид во славу Аллаха единого и милосердного.

Суд

из мавританских легенд

Утром, светлым и веселым, сидел халиф Махоммет в великолепном зале суда в Альгамбре, на резном троне из слоновой кости, окруженный евнухами, окруженный слугами. Сидел и смотрел. Утро было прекрасно.

На небе не было ни облачка, ни паутинки от облачка. Двор Львов был словно покрыт куполом из синей эмали. В окно глядела долина, изумрудная, с цветущими деревьями. И этот вид в окне казался картиной, вставленной в узорную раму.

– Как хорошо! – сказал халиф. – Как прекрасна жизнь. Введите тех, кто своими отвратительными поступками отравляет тихие радости жизни!

– Халиф! – ответил главный евнух. – Сегодня пред твоей мудростью и правосудием предстанет только один преступник!

– Введите его...

И Сефардина ввели. Он был босой, грязный, в рубище. Руки его были скручены веревками назад. Но Сефардин позабыл о веревках, когда его ввели во Двор Львов.

Ему показалось, что его уже казнили и что душа его уже перенеслась в рай Магомета. Пахло цветами.

Букеты брильянтов взлетали над фонтаном, покоившимся на десяти мраморных львах.

Направо, налево в арки были видны покои, устланные узорными коврами.

Разноцветные мозаичные стены кидали отблеск золотой, синий, красный. И покои, из которых веяло ароматом и прохладой, казались наполненными золотым, голубым, розовым сумраком.

– Падай на колени! Падай на колени! – шептали стражи, толкая Сефардина. – Ты стоишь перед халифом.

Сефардин упал на колени и зарыдал. Он еще был не в раю, – ему еще предстояли суд и казнь.

– Что сделал этот человек? – спросил халиф, чувствуя, что в сердце его шевельнулось сожаленье.

Евнух, избранный, чтоб обвинять без страсти и без жалости, ответил:

– Он убил своего товарища.

– Как? – разгневанный, воскликнул Махоммет. – Ты лишил жизни себе подобного?! Из-за чего этот негодяй совершил величайшее из преступлений?

– По самому ничтожному поводу! – отвечал евнух. – Они подрались из-за куска сыра, который обронил кто-то и который они нашли на дороге.

– Из-за куска сыра! Правый Аллах! – всплеснул руками Махоммет.

– Это не совсем правда! – пробормотал Сефардин. – Это не был кусок сыра. Это была только корка от сыра. Ее не обронили, а бросили. В надежде, что найдет собака. А нашли

люди.

– И люди погрызлись, как собаки! – с презрением заметил евнух.

– Злей, чем собаки! – добавил Сефардин.

– Замолчи, несчастный! – крикнул вне себя от гнева Махоммет. – Каждым словом ты ту же затягиваешь петлю на своей глотке! Из-за корки сыра! Взгляни, презренный! Как жизнь прекрасна! Как жизнь прекрасна! И ты лишил его всего этого!

– Если бы я знал, что жизнь такова, – отвечал Сефардин, оглядываясь кругом, – я никогда и никого бы не лишил ее! Халиф! Говорит всякий, слушает – мудрец. Выслушай меня, халиф!

– Говори! – приказал Махоммет, сдерживая свое негодование.

– Великий халиф! Жизнь здесь, на Священной горе, и жизнь там, в долине, откуда меня привели, – две жизни, халиф. Позволь мне задать тебе вопрос!

– Спроси.

– Видел ли ты когда-нибудь во сне корку хлеба?

– Корку хлеба? – удивился халиф. – Такого сна я не припомню!

– Ну да! Корку хлеба! Вспомни хорошенько! – продолжал, стоя на коленях, Сефардин. – Корку хлеба, которую кинули. Корку хлеба, облитую помоями. Покрытую плесенью, грязью. Корку хлеба, которую нюхала собака и не стала есть. И

хотелось ли тебе съесть эту корку хлеба, халиф? Протягивал ли ты к ней руку, дрожащую от жадности? И просыпался ли ты в эту минуту, в ужасе, в отчаянии: корка, облитая помоями, корка, покрытая плесенью и грязью, только снилась! Это было только во сне.

– Такого странного, такого низкого сна я еще не видел никогда! – выкликнул халиф. – Я вижу сны. Армии врагов, которые бегут перед моими всадниками. Охота в мрачных ущельях. Диких коз, которых я поражаю меткой, звенящей в воздухе стрелой. Иногда мне снится рай. Но такого странного сна я не видел никогда.

– А я видел его каждый день и всю мою жизнь! – тихо ответил Сефардин. – Во всю мою жизнь я не видел другого сна! И тот, кого я убил, во всю его жизнь не видел другого сна, кроме этого. И никто у нас в долине никогда не видел ничего другого. Нам снится корка грязного хлеба, как тебе победа и рай.

Халиф сидел молча и думал.

– И ты убил в споре своего друга?

– Убил. Да. Если бы он жил, как твои слуги, в Альгамбре, – я лишил бы его радостей жизни. Но он жил в долине, как и я. Я лишил его страданий. Вот все, чего я его лишил.

Халиф все сидел молча и размышлял.

И как тучи собираются на вершине гор, собирались морщины на его челе.

– Закон ждет от тебя слова правосудия! – осмелился пре-

рвать молчание халифа евнух-обвинитель.

Махоммет взглянул на Сефардина.

– Он ждет, чтобы его также освободили от страданий? Развяжите его и пустите. Пусть живет.

Все кругом не смели верить своим ушам: так ли они слышат?

– Но законы?! – воскликнул евнух. – Но ты, халиф! Но мы! Мы все, обязанные соблюдать законы.

Махоммет с грустной улыбкой посмотрел на его испуганное лицо.

– Мы постараемся, чтобы ему впредь снились сны получше, и чтобы он не грызся, как собака, из-за корки сыра!

И он встал в знак того, что суд окончен.

Человек

Однажды Аллах спустился на землю, принял вид самого, самого простого человека, зашел в первую попавшуюся деревню и постучался в самый бедный дом, к Али.

– Я устал, умираю с голода! – сказал Аллах с низким поклоном. – Впустите путника.

Бедняк Али отворил ему дверь и сказал:

– Усталый путник – благословение дому. Войди.

Аллах вошел.

Семья Али сидела и ужинала.

– Садись! – сказал Али. Аллах сел.

Все отняли у себя по куску и дали ему. Когда кончили ужинать, вся семья встала на молитву. Один гость сидел и не молился. Али посмотрел на него с удивлением.

– Разве ты не хочешь молиться Аллаху? – спросил Али.

Аллах улыбнулся.

– А знаешь ли ты, кто у тебя в гостях? – задал он вопрос.

Али пожал плечами.

– Ты мне сказал свое имя – путник. К чему мне знать еще другое?

– Ну, так знай же, кто зашел в твой дом, – сказал путник, – я – Аллах!

И весь он засверкал, как молния.

Али повалился в ноги Аллаху и со слезами воскликнул:

– За что мне оказана такая милость? Разве мало на свете людей богатых и знатных? Есть у нас в деревне мулла, есть старшина Керим, есть богач-купец Мегемет. А ты выбрал самого бедного, самого нищего – Али! Благодарю тебя.

Али поцеловал след ноги Аллаха. Так как было уж поздно, все улеглись спать. Но не спалось Али. Всю ночь он проворочался с бока на бок, все о чем-то думал. Следующий день весь тоже все о чем-то думал. Задумчивый сидел он и за ужином и ничего не ел.

А когда ужин кончился, Али не выдержал и обратился к Аллаху:

– Не разгневайся на меня, Аллах, что я задам тебе вопрос!

Аллах кивнул головой и разрешил: – Спрашивай!

– Дивлюсь я! – сказал Али. – Дивлюсь и никак понять не могу! Есть у нас в деревне мулла, человек ученый и знатный, – все при встрече ему в пояс кланяются. Есть старшина Керим, важный человек, – у него сам вали останавливается, когда ездит через нашу деревню. Есть купец Мегемет – богач такой, каких, я думаю, по свету не много. Уж он бы сумел угостить тебя и уложил бы спать на чистом пухе. А ты взял да и зашел к Али, бедняку, к нищему! Должно быть, я угоден тебе, Аллах? А?

Аллах улыбнулся и ответил:

– Угоден!

Али даже рассмеялся от радости:

– Вот я рад, что тебе угоден! Вот рад!

Отлично спал в ту ночь Али. Весело пошел он на работу. Веселым вернулся домой, сел за ужин и весело сказал Аллаху:

– А мне, Аллах, после ужина надо с тобой поговорить!

– Поговорим после ужина! – весело ответил Аллах.

Когда ужин кончился и жена убрала посуду, Али весело обратился к Аллаху:

– А должно быть, я очень угоден тебе, Аллах, если ты взял да ко мне и зашел?! А?

– Да! – отвечал с улыбкой Аллах.

– А? – продолжал Али со смехом. – Есть в деревне мулла, которому все кланяются, есть старшина, у которого сам вали останавливается, есть Мегемет-богач, который наворотил бы подушек до самого потолка и десяток баранов к ужину рад был бы зарезать. А ты взял и пошел ко мне, к бедняку! Должно быть, уж очень я тебе угоден? Скажи, очень?

– Да! Да! – ответил, улыбаясь, Аллах.

– Нет, ты скажи, действительно, я очень угоден тебе? – приставал Али. – Что ты все «да, да». Ты Расскажи мне, как я угоден тебе?

– Да, да, да! Очень, очень, очень ты мне угоден! – со смехом отвечал Аллах.

– Так очень?

– Очень!

– Ну, ладно. Идем, Аллах, спать.

На следующее утро Али проснулся в еще лучшем распо-

ложении духа. Весь день ходил, улыбаясь, думал что-то веселое и радостное.

За ужином ел за троих и после ужина похлопал по коленке Аллаха.

– А я думаю, ты, Аллах, ужасно как должен радоваться, что я так тебе угоден? А? Скажи-ка по душе? Очень радуешься, Аллах?

– Очень! Очень! – улыбаясь, ответил Аллах.

– Я думаю! – сказал Али. – Я ведь, брат Аллах, по себе знаю. Мне даже если собака какая угодна, так и то удовольствие доставляет ее видеть. Так ведь то собака, а то я! То я, а то ты, Аллах! Воображаю, как ты должен радоваться, на меня глядячи! Видишь перед собой такого угодного для тебя человека! Сердце-то, небось, играет?

– Играет, играет! Идем спать! – сказал Аллах.

– Ну, идем, пожалуй, и спать! – ответил Али.

– Изволь!

Следующий день Али ходил задумчивый, за ужином вздыхал, посматривал на Аллаха, и Аллах заметил, что Али раз даже незаметно смахнул слезу.

– Чего ты, Али, такой грустный? – спросил Аллах, когда кончили ужинать.

Али вздохнул.

– Да вот о тебе, Аллах, задумался! Что бы с тобой было, если бы меня не было?

– Это как так? – удивился Аллах.

– Что бы ты стал без меня делать, Аллах? Посмотри-ка, на дворе какой ветер и холод, и дождь словно плетьюми хлещет. Что было бы, если бы такого угодного тебе человека, как я, не было? Куда бы ты пошел? Замерз бы ты на холоду, на ветру, на дожде. Нитки бы на тебе сухой не было! А теперь сидишь ты в тепле, в сухости. Светло, и поел ты. А все почему? Потому что есть такой угодный тебе человек, к которому ты мог зайти! Погиб бы ты, Аллах, если б меня на свете не было. Счастливец ты, Аллах, что я на свете существую. Право, счастливец!

Тут Аллах уж не выдержал, звонко расхохотался и исчез из вида. Только на скамье, где он сидел, лежала груда больших червонцев, в две тысячи штук.

– Батюшки! Какое богатство! – всплеснула руками жена Али. – Да что ж это такое? Да разве на свете бывает столько денег? Да я помешаюсь!

Но Али отстранил ее рукою от денег, пересчитал золотые и сказал:

– Н-немного!

Мустафа и его ближние

Мустафа был мудрый человек. Он сказал себе:

– Человек, который ищет истины, похож на человека, которого томит нестерпимая жажда. Когда человека томит жажда, он должен пить воду, а не плевать.

Поэтому Мустафа больше слушал, чем говорил. Он выслушивал одинаково всех. Тех, кого считали умными. И тех, кого считали глупыми. Почем знать: кто умен, а кто, в действительности, глуп?

– Если светильник едва мерцает, это не значит, что в нем нет масла. Часто светильник едва горит, потому что переполнен маслом и еще не разгорелся.

Всякого, кто хотел вступить с ним в беседу, Мустафа спрашивал:

– Не знаешь ли ты чего-нибудь об истине? Расскажи мне.

Однажды, когда Мустафа, задумавшись, шел по дороге, навстречу ему попался старик дервиш. Дервиш сказал Мустафе:

– Добрый день, Мустафа!

Мустафа взглянул на него с изумлением: он никогда не видел этого дервиша.

– Откуда ты меня знаешь?

Дервиш улыбнулся и вместо ответа спросил:

– Что ты делаешь, Мустафа?

– Ты видишь, что я делаю! – ответил Мустафа. – Я иду.

– Я вижу, что ты сейчас идешь. А что ты делаешь обыкновенно? – спросил дервиш.

Мустафа пожал плечами:

– Что делают обыкновенно все. Хожу, сижу, лежу, пью, ем, торгую, ссорюсь с женой.

Дервиш улыбнулся хитро:

– Но что ты делаешь, Мустафа, когда ты ходишь, сидишь, лежишь, пьешь или ешь, когда торгуешь, ссоришься с женой?

Пораженный Мустафа ответил:

– Я думаю: что такое истина? Я ищу истины.

– Ты хочешь знать, что такое истина? – все улыбаясь, продолжал дервиш.

– Изо всего, что я знаю, я знаю наверное, что это знать я хочу больше всего.

– Истина? Это – наш затылок.

– Как так? – спросил Мустафа.

– Она при нас, около, но мы ее не видим.

– Я не понимаю этого! – сказал Мустафа.

Дервиш подал ему драгоценное кольцо.

– Вот тебе ключ к разгадке. Отдай это кольцо самому далекому от тебя человеку. И ты поймешь.

И сказав это, свернул с дороги и исчез в кустах прежде, чем Мустафа успел опомниться. Мустафа поглядел на перстень.

Поистине, он никогда не видал более драгоценной вещи. Ни таких камней, ни такой величины, ни такой игры! Мустафа сказал себе:

– Это нетрудно сделать!

Он взял денег, сколько мог, и отправился в путь. Он переехал на верблюдах через знойную, мертвую, раскаленную пустыню, каждое мгновение рискуя сорваться и разбиться насмерть, переправился через ледяные горы, переплыл много широких и быстрых рек, прошел дремучими лесами, раздирая кожу об острые ветви, переехал, чуть не потерпев крушение, через безбрежный океан и, наконец, очутился на краю света.

Сожженный солнцем, и обмерзший, и израненный, не похожий на себя.

Среди покрытых вечным снегом полей. Там царила вечная ночь.

И только звезды горели над ледяной пустыней. Среди снежного поля, закутанный в меха, сидел, весь дрожа, перед костром человек и грелся.

Он был так погружен в свои думы, что не заметил, как подошел Мустафа, как Мустафа сел к костру и стал греться.

– О чем ты думаешь? – спросил, наконец, Мустафа, прерывая молчание человека, закутанного в меха.

И странно прозвучали слова в ледяной пустыне, где молчало все от сотворения мира.

Человек, закутанный в меха, вздрогнул, словно проснув-

шись от сна, и сказал:

– Я думаю: есть ли что-нибудь там...

Он указал на небо:

– За звездами!

– Если там нет ничего, – продолжал закутанный в меха человек, словно рассуждая сам с собой, – то как же я глупо провожу свою жизнь! Часто мне хочется сделать это или то, но меня останавливает мысль: а вдруг «там» есть? И я отказываюсь от того, что доставило бы мне удовольствие. Каждый день я трачу два часа на молитву, и плачу, и рыдаю, и сердце мое бьется так, как не бьется больше никогда. И вдруг там ничего нет? Мне жаль не истраченного времени. Мне жаль даром пролитых слез, мне жаль биений моего сердца. Этим слезам и этому биению сердца нашлось бы лучше место на земле.

И человека, закутанного в меха, передернуло от негодования и отвращения при мысли:

– А вдруг там ничего нет?

– А если там есть?

И его передернуло от ужаса:

– Тогда как ужасно я провожу свою жизнь! Только два часа в день я делаю то, что нужно делать. Если здесь не кончается все, и жизнь только начинается там? Тогда на что, на какой вздор, на какой ничтожный, бессмысленный вздор трачу я все остальные часы моей жизни!

И при свете костра, словно освещенное здесь на земле

пламенем ада, увидел Мустафа искаженное от нестерпимой муки лицо человека, который смотрел на звезды со стоном:

– Что же есть истина? Есть ли что-нибудь там?

И звезды молчали.

И так страшен был этот стон, и так страшно было это молчание, что дикие звери, глаза которых, словно искры, горели во тьме, дикие звери, прибежавшие на звук голосов, поджали хвосты и в ужасе отошли.

С глазами, полными слез, Мустафа обнял человека с лицом, искаженным страданием:

– Брат мой! Мы страдаем одной болезнью! Пусть твое сердце слушает биение моего. Они говорят одно и то же.

И сказав это, Мустафа с изумлением отступил от человека.

– Я прошел вселенную, чтоб увидеть самого далекого от меня человека, а нашел брата, почти что самого себя!

И Мустафа с грустью спрятал драгоценный перстень, который хотел было уже надеть на палец человека, сидевшего перед костром среди ледяной пустыни.

– Куда ж еще идти? – подумал Мустафа. – На звезды я не знаю пути!

И решил вернуться домой.

Жена встретила его криками радости:

– Мы уж думали, что ты погиб! Скажи же, какие дела завлекли тебя так далеко от дома?

– Я хотел узнать, что такое истина.

– А зачем тебе это нужно?

Мустафа с изумлением взглянул на жену. Он рассказал ей о встрече с дервишем и показал драгоценный камень.

Жена чуть не лишилась чувств.

– Какие камни! – Она всплеснула руками: – И эту вещь ты хотел отдать?

– Самому далекому от меня человеку.

Лицо жены пошло пятнами.

Она схватилась за голову и завопила таким голосом, какого еще никогда не слышал от нее Мустафа:

– Видели вы дурака? Он получает драгоценнейший перстень! Камни, которым нет цены! И вместо того, чтобы подарить своей жене, тащится через весь свет, чтобы бросить это сокровище – кому? Самому далекому от него человеку! Слово камнем в чужую собаку! Зачем небо создало такого дурака, если не затем, чтоб наказать его жену?! Горе мне! Горе!

И вдруг Мустафа увидел, что между ними расстояние больше, чем до самой маленькой звезды, которая едва видна.

Мустафа с улыбкой подал жене драгоценный перстень дервиша и сказал:

– Да. Ты права.

И весь день ходил, улыбаясь. И записал:

«Истина – это наш затылок. Здесь, около. А мы не видим».

Мустафа потом получил блаженство на небе.

Но не на земле.

Муж и жена

персидская легенда

– Удивительно создан свет! – сказал мудрец Джафар.

– Да, надо сознаться, престранно! – ответил мудрец Эддин.

Так говорили они пред премудрым шахом Айбн-Муси, который любил сравить между собою мудрецов и посмотреть, что из этого выйдет премудрого.

– Ни один предмет не может быть холоден и горяч, тяжел и легок, красив и безобразен в одно и то же время! – сказал Джафар. – И только люди могут быть в одно и то же время близки и далеки.

– Это как так? – спросил шах.

– Позволь мне рассказать тебе одну историю! – ответил с поклоном Джафар, довольный, что ему удалось завладеть вниманием шаха.

А Эддин в это время чуть не лопался от зависти.

– Жил в лучшем из городов, в Тегеране, шах Габibuллин, – шах, как ты. И жил бедный Саррах. И жили они страшно близко друг от друга. Если бы шах захотел осчастливить Сарраха и пройти к нему в хижину, он дошел бы раньше, чем успел бы сосчитать до трехсот. А если бы Саррах мог пройти во дворец шаха, он дошел бы и того скорее, потому что бедняк всегда ходит скорее шаха: ему больше в привычку.

Саррах часто думал о шахе. И шах иногда думал о Саррахе, потому что как-то по дороге видел Сарраха, плакавшего над издохшим последним ослом, и по милосердию своему спросил имя плачущего, чтоб упоминать его в своих вечерних молитвах: «Аллах! Утешь Сарраха! Пусть Саррах больше не плачет!»

Саррах иногда задавал себе вопрос: «Хотел бы я знать, на каких конях ездит верхом шах? Я думаю, что они кованы не иначе, как золотом, и так раскормлены, что просто ноги раздерешь, когда сядешь верхом!» Но сейчас же отвечал себе: «Экий я, однако, дурень! Станет шах ездить верхом! За него ездят верхом другие. А шах, наверное, целый день спит. Что ему больше делать? Конечно же спит! Нет занятия лучше, как спать!»

Тут Сарраxu пришло в голову:

«Ну, а есть-то как же? Шах должен и есть. Тоже занятие не вредное! Хе-хе! Пospит, поест и опять заснет! Вот это жизнь! И есть не что-нибудь, а всякий раз нового барана. Увидит барана, сейчас зарежет, изжарит и съест в свое удовольствие. Хорошо!.. Только и я-то дурень! Станет шах, словно простой мужик, всего барана есть. Шах выедает барану только почки. Потому почка – самое вкусное. Зарежет барана, отъест ему почки и другого зарежет! Вот это шахская еда!»

И вздохнул Саррах: «И блохи же, я думаю, у шаха! Жирные! Что твои перепела! Не то, что у меня – дрянь, есть им

нечего. А у шаха и блохи должны быть, как ни у кого. Откормленные!»

Шах же, когда ему вспоминался плачущий над издохшим ослом Саррах, думал:

«Бедняга! И с вида-то он худ. От плохой еды. Не думаю, чтоб каждый день у него жарилась на вертеле горная козочка. Я думаю, питается одним рисом. Хотел бы я знать, с чем он готовит плов, – с барашком или с курицей?»

И захотел шах увидеть Сарраха. Одели Сарраха, вымыли и привели к шаху.

– Здравствуй, Саррах! – сказал шах. – Мы с тобой близкие соседи!

– Да, не дальние! – отвечал Саррах.

– И хотел бы я поговорить с тобой по-соседски. Спроси у меня, что ты хочешь. А я у тебя спрошу.

– Рад служить! – отвечал Саррах. – А спрос у меня невелик. Одна вещь не дает мне покоя. Что ты силен, богат, я знаю. У тебя много сокровищ, это я, и не глядя, скажу. Что у тебя на конюшне стоят великолепные лошади, тут и задумываться нечего. А вот прикажи мне показать тех блох, которые тебя кусают. Какие у тебя сокровища, лошади, я себе представляю. А вот блох твоих прямо себе представить не могу!

Диву дался шах, пожал плечами, с удивлением оглядел всех:

– В толк взять не могу, о чем говорит этот человек. Какие такие блохи? Что это такое? Должно быть, просто в ту-

пик хочет меня поставить этот человек. Ты, Саррах, вот что! Вместо того, чтобы разговаривать о каких-то там камнях или деревьях, – что такое эти твои «блохи»? – ты мне ответь-ка лучше сам на мой вопрос.

– Спрашивай, шах! – с поклоном отвечал Саррах. – Как перед пророком, ничего не скрою.

– С чем ты, Саррах, готовишь свой плов: с барашком или с курицей? И что ты туда кладешь: изюм или сливы?

Тут Саррах глаза вытаращил, на шаха с изумлением взглянул:

– А что такое плов? Город или река?

И смотрели они друг на друга с изумлением.

– Так только люди могут быть, повелитель, в одно и то же время близки и далеки друг от друга! – закончил мудрый Джафар свой рассказ.

Шах Айбн-Муси рассмеялся:

– Да, диковинно устроен свет!

И, обратившись к мудрецу Эддину, который позеленел от успеха Джафара, сказал:

– Что ты на это скажешь, премудрый Эддин?

Эддин только пожал плечами:

– Повелитель, прикажи послать за женою Джафара! Пусть она принесет мой ответ.

И пока слуги бегали за женою Джафара, Эддин обратился к мудрецу:

– Пока ходят за твоей достойной супругой, Джафар, будь

добр, ответить нам на несколько вопросов. Давно ли ты женат?

– Двадцать лет полных! – отвечал Джафар.

– И все время живешь с женой неразлучно?

– Какой странный вопрос! – пожал плечами Джафар. –

Шляется с места на место дурак. Умный сидит на одном месте. Он, и сидя у себя дома, мысленно может обтекать моря и земли. На то у него и ум. Я никогда, благодаренье Аллаху, не имел надобности выезжать из Тегерана, – и, конечно, прожил с женой неразлучно.

– Двадцать лет под одной кровлей? – не унимался Эддин.

– У всякого дома одна только кровля! – пожал плечами Джафар.

– Скажи же нам, что думает твоя жена?

– Странный вопрос! – воскликнул Джафар. – Ты, Эддин, конечно, мудрый человек. Но сегодня в тебе сидит словно кто-то другой и говорит за тебя. Выгони его, Эддин! Он говорит глупости! Что может думать жена человека, который всеми признан за мудреца? Разумеется, она рада, что Аллах послал ей мудреца в спутники и наставники. Она счастлива этим и гордится. И все. Я не спрашивал ее об этом. Но разве спрашивают днем: «теперь светло?» – а ночью: «теперь на улице темно?» Есть вещи, которые разумеются сами собою.

В это время привели жену Джафара, всю в слезах. Конечно, когда старую женщину зовут к шаху, она всегда плачет, – думает, что ее накажут. Зачем же больше звать?

Шах, однако, успокоил ее ласковым словом и, крикнув,

чтоб не плакала, спросил:

– Скажи нам, жена Джафара, счастлива ли ты, что замужем за таким мудрецом?

Женщина, видя, что ее не наказывают, взяла волю и начала говорить не то, что следует, а то, что думает.

– Уж какое там счастье! – воскликнула жена Джафара, вновь раздражаясь слезами, словно глупая туча, из которой дождь идет по два раза в день. – Какое счастье! Муж, с которым двух слов сказать нельзя, который ходит и изрекает, словно он Коран наизусть выучил! Муж, который думает о том, что делается на небе, и не видит, что у жены последнее платье с плеч валится! Смотрит на луну в то время, как у него со двора уводят последнюю козу. За камнем веселее быть замужем. Подойдешь к нему с ласкою, – «женщина, не мешай! Я думаю!» Подойдешь с бранью, – «женщина, не мешай! Я думаю!» Детей даже у нас нет. За таким дураком быть замужем, который вечно думает и ничего не придумает, – какое же счастье! Да обережет Аллах всякую, кто добродетельно закрывает свое лицо!

Шах расхохотался.

Джафар стоял весь красный, смотрел в землю, дергал себя за бороду и топал ногой. Эддин посмотрел на него насмешливо и, довольный, что уничтожил соперника, с глубоким поклоном сказал шаху:

– Вот мой ответ, повелитель! С людьми, которые долго смотрят на звезды, это бывает. Они и шапку, как свою судь-

бу, начинают искать среди звезд, а не на своей голове. То, что сказал мой премудрый противник Джафар, совершенно верно! Удивительно создан свет. Ничто не может быть одновременно и тепло, и холодно, только люди могут быть и близки, и далеки в одно и то же время. Но меня удивляет, зачем ему понадобилось за примерами ходить в грязную хижину какого-то Сарраха и топтать своими ногами полы шахского дворца. Стоило заглянуть под крышу собственного дома. Шах, всякий раз, как ты захочешь видеть это чудо, – людей, которые были бы близки и далеки друг от друга в одно и то же время, – не надо ходить далеко. Это ты найдешь в любом доме. Возьми любого мужа и жену.

Шах остался доволен и подарил Эддину шапку.

Человек правды

персидская легенда

Шах Дали-Аббас любил благородные и возвышающие душу забавы.

Любил карабкаться по неприступным отвесным скалам, подбираясь к турам, чутким и пугливым. Любил, распластавшись с лошадьё в воздухе, перелетать через пропасти, несясь за горными козами. Любил, прислонившись спиной к дереву, затаив дыхание, ждать, как из густого кустарника с ревом, поднявшись на задние лапы, вылезет огромный черный медведь, спугнутый воплями загонщиков. Любил рыскать по прибрежным тростникам, поднимать яростных полосатых тигров.

Наслажденье для шаха было смотреть, как сокол, взвившись к самому солнцу, камнем падал на белую голубку и как летели из-под него белые перья, сверкая на солнце, словно снег. Или как могучий беркут, описав в воздухе круг, бросался на бежавшую вприпрыжку в густой траве красную лисицу. Собаки, копчики и ястребы шаха славились даже у соседних народов.

Не проходило ни одной новой луны без того, чтоб шах не ездил куда-нибудь на охоту.

И тогда приближенные шаха летели заранее в провинцию, которую назначал шах для охоты, и говорили тамошнему

правителю:

– Торжествуй! Неслыханная радость выпадает на долю твоей области! В такой-то день два солнца взойдут у тебя в области. Шах едет к тебе на охоту.

Правитель хватался за голову:

– Аллах! И поспать-то не дадут порядком! Вот жизнь! Лучше умереть! Гораздо спокойнее! Наказанье мне от Аллаха! Прогневал!

Слуги правителя скакали по селеньям:

– Эй, вы! Дурачье! Бросайте-ка ваши низкие занятия! Довольно вам пахать, сеять, стричь ваших паршивых овец! Кидайте нивы, дома, стада! Будет заботиться о поддержании вашей ничтожной жизни! Есть занятие повозвышеннее! Сам шах едет в нашу область! Идите проводить дороги, строить мосты, прокладывать тропинки!

И к приезду шаха узнать нельзя было области.

Шах ехал по широкой дороге, по которой спокойно проезжали шестеро всадников в ряд. Через пропасти висели мосты.

Даже на самые неприступные скалы вели тропинки. А по краям дороги стояли поселяне, одетые, как только могли, лучше. У многих были на головах даже зеленые чалмы. Нарочно заставляли надевать, будто бы эти люди были в Мекке⁶

⁶ Мекка – священный город (Саудовская Аравия), место паломничества мусульман-суннитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.